

попаданец

ПОПАДАНЕЦ

Виктор Тюрин

КОДЕКС
КАЛИБРА
.45

Попаданец (АСТ)

Виктор Тюрин
Кодекс калибра .45

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

Кодекс калибра .45 / В. И. Тюрин — «Автор»,
2017 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-105695-7

Америка периода «сухого закона». Как здесь выжить восемнадцатилетнему парню, попавшему из будущего в Чикаго — город, вобравший все человеческие пороки? Смириться с выпавшими на его долю трудностями, или, презрев закон и отринув мораль, выпустить внутреннего зверя? Раз мир жесток и беспощаден, он станет таким же. И он стал тем, кто держит этот город в страхе — стал гангстером. Путь гангстера дал ему силу, деньги и власть, но забрал то, что делает человека человеком. Если раньше выражение «в Чикаго все можно купить или взять силой» герой считал своим девизом, то теперь любовь к девушке и ребенок, которого они ждут, заставляют искать другой путь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-105695-7

© Тюрин В. И., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Тюрин

Кодекс калибра.45

Серия «Попаданец»

Выпуск 30

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

© Виктор Тюрин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Оторвавшись от компьютера, потянулся. Всё! Игра закончена!

«Хорошая игрушка. Жаль, что закончилась. Ого! – мое восклицание относилось к неожиданно прогремевшему грому. Следом ударила молния – прочертив добела раскаленным клинком черное небо. Только тут я заметил, что за окном бушует гроза.

«Ну, ты, мальчик, заигрался. Даже не заметил, как гроза началась. Сколько времени? Ого! Уже третий час. Пора спать. Эх, хорошо, когда над тобой ничего не висит! Сессия за спиной, родители еще только через месяц вернутся. Живи и радуйся. . . – Тут мои мысли перебил громкий вопль кота Гришки. – Чего это он?!»

Только я переступил порог своей комнаты, как мимо меня по темному коридору в сторону кухни промчался кот. Реакция животного, темнота и гроза за окном заставили невольно насторожиться. Прислушался, но кроме стучащего в окна дождя – ни одного постороннего звука. Подойдя к гостиной, замер и снова прислушался. Из полуоткрытой двери комнаты не было слышно ни звука. Мысленно упрекнув себя в нерешительности: «Что ты, как маленький, страшилки себе придумываешь?!» – шагнул через порог, одновременно толкая дверь. Тишина и знакомые очертания мебели сняли напряжение. Хотел включить свет, но передумал.

«Ерунда. Ничего тут нет. Гришка просто грозы испугался».

Сделал два шага. . . и вдруг из-за плоского экрана телевизора, висевшего на стене, выплыл бело-голубоватый, чуть искрящийся шар. Сначала я оцепенел, загнипнотизированно глядя, как ко мне по воздуху плавно плывет клубок энергии, но потом в памяти неожиданно всплыли правила поведения при встрече с шаровой молнией, вычитанные как-то в Интернете.

«Следует замереть и наблюдать за движением молнии. Если она приближается к вам, то нужно осторожно отойти или отклониться от пути её движения. При этом соблюдать главное правило: не следует убегать от шаровой молнии, потому что возникший поток воздуха может увлечь её за вами».

Когда та приблизилась ко мне на расстояние метра, я сделал два медленных шага в сторону, уходя с ее пути. Сгусток энергии продолжал двигаться в прежнем направлении, мимо меня. Напряжение стало отпускать меня по мере того, как ощущение опасности стало уступать чувству любопытства. Я уже стал жалеть о том, что мобильник остался в моей комнате, и нельзя сделать фото, как в следующую секунду шар, резко изменив направление, понесся ко мне, словно его тянула неведомая сила. Я отпрыгнул в сторону, на долю секунды потеряв молнию из поля зрения, и только начал поворачивать голову, чтобы определить ее местоположение, как почувствовал сильнейшую вспышку боли внутри черепной коробки. Мозг словно горел.

– А-а-а!!

Глава 1

Открыв глаза, увидел, что лежу на дощатом полу товарного вагона, который дергался и качался, грохоча на стыках рельсов. Несколько минут ошеломленно взирал то на деревянные стены, то на зеленую равнину, которая убегала вдаль в проеме полуоткрытой двери вагона, затем вскочил на ноги, стал оглядываться, крутя головой в разные стороны. Остатки сена на полу, дощатые стены... Вдруг воздух прорезал гудок паровоза. Он словно встряхнул мой мозг, выведя из состояния полного ошеломления. Практически не осознавая того, что делаю, подошел к открытой двери. Начинался рассвет. Равнина сменилась густым лесным массивом, который тянулся чуть ли не до самого горизонта. Свежий ветерок, забравшийся под мою рубашку, заставил меня невольно поёжиться. Я видел и чувствовал все то, что меня сейчас окружало, но при этом логика моего сознания наотрез отказывалась воспринимать это как реальность. Неожиданно вагон резко трянуло, и, чтобы удержаться на ногах, мне пришлось ухватиться за край двери, а уже в следующую секунду я почувствовал боль, словно в палец вонзили иголку. Сделав шаг назад, поднес палец к глазам, затем аккуратно поддел и выдернул занозу. Мгновенный укол боли – и на подушечке пальца выступила маленькая капелька крови. С минуту рассматривал, затем растер между подушечками пальцев. Чувство нереальности происходящего продолжало бороться во мне с тем, что я сейчас видел, чувствовал и ощущал.

«Этого не может быть! – говорила одна часть меня, а другая ей возражала, правда не столь уверенно: – Боль, которую только что ощутил, куда отнести? А вагон? Все то, что вижу вокруг? Да та же кровь! Вот посмотри! Ее следы...».

Взгляд, брошенный на палец со следами крови, неожиданно заставил увидеть то, что каким-то непонятным образом прошло мимо моего внимания. Сердце дрогнуло, остановилось, а затем застучало так быстро и часто, словно пыталось обогнать перестук вагонных колес. В некоторой прострации я покрутил перед глазами кистью правой руки, потом левой, затем сжал пальцы в кулаки. Эти телодвижения были произвольной реакцией мозга на осознание того факта, что я... нахожусь в чужом теле.

«Нет! Это сон. Кошмарный сон. Меня ударило молнией... Я сейчас дома. А все это... дурной сон».

Плохо было то, что в этой мысли не было той уверенности, подтвержденной массой мельчайших деталей, как у окружающего меня мира. Мой разум, как ни старался, ничего не мог ей противопоставить. Попытка хоть что-то сделать в подобной ситуации заставила меня приняться за осмотр тела «чужака». Широкие плечи, налитые упругой силой шары бицепсов, выпуклая грудь. Пробежал глазами по одежде. Грубые башмаки, которые давно не видели ваксы, линялая рубаха некогда синего цвета, обтрепанные брюки серого цвета и почти новая джинсовая куртка.

«Качок какой-то... Не руки, а кувалды... Это разве одежда... Тряпье...» – обрывки мыслей снова невольно подтвердили тот факт, который никак не хотел признавать мозг, после чего мое сознание выбросило белый флаг. Исподволь нараставший внутри меня страх, наконец, вырвался наружу, заставив бессознательно заметаться по вагону, подобно дикому зверю, попавшему в клетку. Наконец приступ панического страха выдохся, и вместо него пришли внутренняя опустошенность и растерянность. Не знаю, сколько времени я стоял у открытой двери вагона, глядя невидящим взглядом в пространство, пока в какое-то мгновение вдруг не понял, что ЭТО действительно произошло.

«Я оказался... Э... Перенесся. Но как?! Как это могло произойти?! И почему я?! Ну и история! Как же!.. Так не может быть! Не может! Мать вашу! Взять и оказаться... хрен знает где! Да-а-а... Я не понимаю! Другое место. Другое тело. Хотя тут повезло. Ведь меня могли засунуть в женское тело. Или вместо вагона оказаться в лодке посреди океана. Но как все же

это произошло? Как?! Это бред! Самый настоящий бред... Стоп. Если это лишь необычная реакция мозга на удар электрическим током? А на самом деле все происходит только у меня в голове?»

Бросил отчаянный взгляд вокруг, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, способную подтвердить мою догадку, но – увы! Ничего, ни малейшего подтверждения, которое могло бы дать понять, что окружающая меня реальность всего лишь плод воображения, зато все кругом подтверждало то, во что мне так не хотелось верить. Чужое тело. Раскачивающийся на ходу вагон. Свежий ветерок, холодивший кожу. Проплывавший в проеме полуоткрытой двери лес. На смену растерянности и отчаянию неожиданно пришла ярость. Хотелось со всей силы бить, ломать и крушить. Кулаки сжались, тело напряглось... В следующий момент вагон дернуло, заставив меня резко пошатнуться. Резкий рывок, выведя меня из физического равновесия, неожиданно встряхнул мое сознание, вернув ему логичность мышления.

«Какой толк злиться! И на кого?! Случилось, значит, случилось! Прими это как факт на данный момент и начинай думать! Так, что у нас? Перемещение сознания в другое тело. Классический вариант. Следующий вопрос: где я? Гм. Альтернативный мир... или другое время. Попробую определиться».

Подошел к двери. Поезд, обойдя лес по дуге, оставил его позади и сейчас несся среди зелёной, не имевшей конца и края равнины. Высунув голову из проема двери, я посмотрел вперед, по ходу поезда, и почти сразу увидел на фоне голубого неба пока еще смутные, но с каждой минутой обретающие все более четкие очертания небольшого человеческого поселения. Все эмоции, бурлящие во мне, временно отступили назад, дав место жадному нетерпеливому любопытству, словно этот населенный пункт мог стать ответом на все мучившие меня вопросы.

Это был поселок в тридцать пять – сорок домов, вокруг которых раскинулись возделанные поля, а на лугах паслись лошади и коровы. Не менее полусотни человек, мужчин, женщин и детей различного возраста, работали в полях и приусадебных участках. Люди как люди, но вот, как они выглядели, и то, что их окружало, только подтверждало версию попаданца. Никаких тракторов, только плуги и косилки на конной тяге. Из техники, насколько я мог видеть, в поселке было только три грузовых пикапа. Это были... грузовички марки «Форд», выпущенные в 20-х годах прошлого столетия в Америке. Увлечшись игрой «Мафия», я невольно заинтересовался этим периодом времени, прочитав о нем несколько десятков статей в Интернете. Нередко те были иллюстрированы фотографиями, и мне всегда было немножко смешно смотреть на угловато-грубые формы автомобилей того времени.

«Теперь не смешно, а скорее... Хватит ныть! Значит, у мужчин – широкополые шляпы, подтяжки, тяжелые ботинки. Женщины... все как одна в длинных платьях. Дома – сплошь дерево. Большие веранды. Еще был негр, работавший в поле. И... лошади. Вывод: я провалился... в прошлое. Судя по всему, это Америка. 20–40-е годы».

Получив прямые доказательства переноса в чужое время, я неожиданно почувствовал тоску. Она была острой, щемящей, но размытой и неопределенной, так как я разом потерял все, что имел. Родителей, личность, прошлое. Осталось только мое «я», но и оно было вложено в чужое тело. Правда, при этом трагизм положения частично скрашивался тем, что я попал не в столь далекое прошлое, к тому же великолепно зная язык этой страны, что нельзя было сказать об углубленном знании истории этого периода. Как бы то ни было, все это дало мне некоторое ощущение уверенности в своих силах. Правда, не настолько сильное, чтобы почувствовать себя в чужом мире, как дома, но его вполне хватило, чтобы пристыдить себя за мое недавнее поведение.

«Вел себя, как малыш. Честное слово! Только что не кричал: мама!»

С того самого момента, когда окончательно понял, что пойду по стопам отца, я стал культивировать в себе выдержку и самообладание, считая их необходимыми качествами характера

человека для своей будущей работы. Дело в том, что я вырос в семье потомственных дипломатов, и отец был для меня примером человека, умеющего при любых условиях владеть собой. Тренинги и тренировки помогли развить и укрепить выдержку, хладнокровие и умение принимать логически выверенные решения в любой обстановке. Я шел к своей цели четко отмеренными и выверенными шагами. К семнадцати годам в совершенстве знал английский язык и прилично изъяснялся по-французски. Затем поступление в университет... Я рассчитывал и планировал каждый шаг, а теперь все рухнуло! В один миг! Эта... нелепость перечеркнула всё! Мою жизнь, мое будущее! Сидевшее глубоко во мне отчаяние породило ярость, которая вспыхнула во мне, но почти сразу погасла, взятая под контроль.

«Хватит психовать! Лучше думай и анализируй! Начнем с тела. Судя по рукам, этот парень занимался физическим трудом. Гм! Может, кузнецом работал? Или фермер? Только вот почему он оказался в товарняке? Едет в поисках работы? Или в бегах? Уголовник? Хм! Не хватало увидеть его физиономию возле полицейского участка, где вывешивают объявления “найти преступника”. Нет. Вряд ли. Роба не арестантская, да и следов от кандалов нет. Думаю... он едет в поисках работы. Стоп! Может, у него в карманах есть какая-нибудь бумага или документ?»

Пошарив в карманах, я выудил на свет всего лишь пару монет. Одну из них нашел в брюках, а другую – в кармане джинсовой куртки. Один цент и четверть доллара. Четверть выпуска 1920 года выглядела совершенно новой, а цент был постарше – 1909 года. Надписи на обеих монетах гласили: «United States of America», «In God We Trust». Последняя фраза в переводе означала фразу «Мы верим в Бога». Профиль Линкольна на центе окончательно утвердил меня в мысли, что я попал в Америку начала двадцатого века.

«Значит, Америка. 1920–1930 годы. Что я знаю об этом периоде?»

Некоторое время перебирал в уме исторические подробности этого периода, пока не понял, что знаю не столько о жизни людей Америки, сколько о зарождении и развитии организованной преступности того времени, да и то только в двух городах. Нью-Йорк и Чикаго.

«Сейчас в Америке, если, конечно, все, как я думаю, период “сухого закона”. Автомобили Форда потоком сходят с конвейера. Всеобщее развитие телефона и радио. Закладываются основы для будущих миллиардных состояний. Как потом будут писать: “это было время, когда делались состояния”. Кстати, папаша братьев Кеннеди сколотил свое состояние на продаже спиртного именно в этот период. Гм, а как обстояли тогда дела с техническими новшествами? Телевизора точно еще нет. Транзисторный приемник? Еще позже. Микроволновка. Отпадает. Холодильник? Вроде есть. Да что я перебираю! Я знаю про многие вещи, которые перевернут мир, только вот какими словами объяснить ученым об устройстве микроволновой печи, не говоря уже о микросхемах? Хотя нет. Есть идея! Шариковая ручка! Ее изобрели в тридцатых или сороковых годах! Венгр. Журналист. Читал об этом изобретении статью. Американец тогда еще присвоил себе его изобретение, запатентовав его в США на свое имя. Ведь тогда изобретения регистрировались в каждой отдельно взятой стране. Хороший шанс разбогатеть! Одна зацепка есть. Еще... Вспомнил! Чизбургер. Тот должен появиться только в 1928 году. Еще... Ладно, не все сразу! Покопаюсь в памяти и обязательно вспомню еще! Не пропаду! Интересно, что за четвертак здесь можно купить? Если судить по рассказам О’Генри, писавшем о тех годах, то продавщица зарабатывала... шесть долларов в неделю. Впрочем, не факт. Так как в точности не помню, о каких годах шла речь, но думаю, что на один раз поесть хватит, а может даже на два. Интересно, как у них с работой дело обстоит? Впрочем, это уже на месте надо смотреть. Что я умею? Знаю компьютер, французский и русский языки, умею водить машину. Может, кому-нибудь переводчик понадобится? Например, в порту. Ха! Займусь предсказаниями! Слушайте меня, люди! Слушайте! В тридцать третьем году придет к власти Адольф Гитлер! Он предвестник Второй мировой войны! Нет! Роль балаганного зазывалы явно не моя! Надо будет попробовать устроиться в международную торговую фирму.

Освоюсь, а потом можно замутировать свой бизнес. В любом случае мне повезло, что я попал в Америку, а не в Советскую Россию... Брр! Сейчас там такое творится...»

Спрятав монеты в карман, снова подошел к двери. За поездом ползли, заполняя горизонт, грозовые серо-черные тучи. Стало жарко и влажно; казалось, жар поднимался от земли и зависал над ней – густой, насыщенный влагой. Неожиданно захотелось спать. Отойдя вглубь вагона, снял куртку, затем, свернув ее, пристроил в качестве подушки. Не успел положить на нее голову, как тут же уснул. Снова проснулся оттого, что вокруг меня что-то изменилось. Поднял голову, пытаюсь понять, пока не сообразил: не так сильно раскачивало вагон. Поезд замедлял ход. Вскочил и подошел к дверному проему. От грозовых туч не осталось ни следа. На ярко-голубом небе светило солнце, а впереди темным пятном вырисовывались контуры большого города. Деталей различить я не мог, как ни всматривался. Отойдя от двери, снова сел. В сердце закралась тревога.

«Люди прошлого. Мы же настолько разные! Как они меня примут?»

Чтобы как-то отвлечься, поднял с пола куртку и стал тщательно ее отряхивать. Потом заметил, что на руках налет сажи и тут же попытался вытереть их о брюки.

«Черт! У меня, наверно, и лицо такое!»

Снова снял куртку, а затем ее изнанкой вытер свое лицо. После чего снова осмотрел себя. Атлетическое сложение, жесткие ладони, ногти с вьезвшимися черными ободками.

«Точно! Фермер, строитель или нечто подобное».

Застиранная рубаха и потрепанные штаны говорили о том, что мой социальный статус весьма невысок.

«Хм! Готовился стать дипломатом, а стал бродягой! Отличное перевоплощение, нечего сказать!»

Смех, выдавленный из себя, был настолько жалок, что я был только рад, когда тот утонул в однообразном грохоте стальных колес. Снова выглянул. Город заполнил весь горизонт. Среди подавляющего количества домов, в три-пять этажей, возвышалось только около трех десятков высотных зданий. Отойдя вглубь вагона, чисто инстинктивно, стал приводить себя в порядок, словно шел в гости к незнакомым людям. Сначала попытался расправить складки на бесформенных штанах, затем сделал попытку пригладить волосы, как вдруг повеяло тяжким духом. Тут же выглянул в проем двери, чтобы понять, что может так противно пахнуть. В этот момент поезд проезжал мимо обветшалых кирпичных двух- трехэтажных домов, покрытых копотью и грязью.

«Мать моя! И здесь живут люди?!»

Рельсовых путей становилось все больше и больше. По обеим сторонам вагона мелькали вереницы других товарных вагонов, и состав, в котором я ехал, переходил с одной колеи на другую. Паровоз теперь почти полз в огромном пространстве, наполненном грохотом колес, паровозными гудками, дымом и вагонами, прибывшими со всех концов страны.

«Как мне с ними говорить? – мысли лихорадочно заметались, ища набор подходящих слов и фраз, которые можно было бы употребить в разговоре. – Мистер, как вас там, где я нахожусь? А что! Я же только что приехал. Вполне логично задать такой вопрос. Теперь надо подумать, что ответить на встречный вопрос. Кто ты такой? Откуда приехал? Я Ричард... Дик Дантон, а приехал из... Блин! Америка большая! Интересно, какие штаты остались у меня за спиной? Э! Скажу из Арканзаса. Поругался с отцом-фермером и сбежал. А что! Хорошая версия, а главное – безобидная. Только чем здесь так противно воняет?!»

Чем ближе подъезжал состав к станции, тем противней становился запах. Сейчас он уже не пах, а смердел. Я еще не знал, что он шел с городских боен, где молоты несли смерть неисчислимому количеству коров и свиней.

Поезд еле полз, и я решил спрыгнуть, чтобы избежать ненужных вопросов со стороны железнодорожных служащих. Сев в дверном проеме, и ухватившись правой рукой за край

стенки, стал осторожно опускать вниз ноги, а затем оттолкнулся и прыгнул. По инерции пробежав несколько метров, я зашагал между платформами и вагонами, пересекая пути и обходя горы шлака. Шел до тех пор, пока не наткнулся на железнодорожный вагон, которому место было явно на свалке, настолько он был грязный и ржавый, но при этом в нем кто-то жил, судя по грязным и мятым занавескам, висевшим на окнах. Я уже проходил мимо, как дверь, ведущая в тамбур, распахнулась, и показался мужчина в линялой рубашке и измятых штанах, из которых торчали босые ноги. Несколько секунд он рассматривал меня, а потом сказал:

– Привет! Закурить будет?

– Не курю. Э... привет!

Я смотрел на железнодорожного рабочего, как на инопланетянина, хотя на самом деле из нас двоих я был пришельцем. Нахлынувшее чувство нереальности происходящего прошло быстро, но и этого времени хватило, чтобы рабочий что-то заметил и спросил:

– Ты чего так смотришь?!

– Ничего. Так просто.

– Ты какой-то странный, – некоторое время он смотрел на меня, а потом на его лице расплылась хитрая улыбка. – Ха! Догадался! Ты только что приехал. Да?

– Да. Приехал. Как вы догадались?

– Ты бы посмотрел на себя со стороны, парень! Ха-ха-ха! Размазанные пятна сажи на лице, да глаза, каждый величиной с долларовую монету. Вылитый фермер, только что солома из волос не торчит! Вытряхнул, небось, её по дороге, а? Чтобы городским казаться?! Ха-ха-ха!

– А... который сейчас год?

– Ой! Уморил! Ха-ха-ха! Ты что, до этого в лесу жил, парень?! Совсем дикий человек! Ха-ха-ха!

Первая растерянность от встречи с человеком, который давным-давно должен был лежать в могиле, прошла, и я уже спокойно спросил:

– Все-таки, какой сейчас год?

Рабочий-путеец, заметив во мне перемену, перестал смеяться и ответил:

– 1921-й.

– Что это за город?

– Гм! Ты действительно странный какой-то, – он потрогал себя за подбородок с двухдневной щетиной, затем почесал нос и только тогда ответил: – Чикаго.

– Чикаго, – повторил я за ним. – 1921 год. Да-а...

Реальное подтверждение моих умозаключений окончательно убило последнюю надежду, которая все еще теплилась в глубине моей души. Я один в другом времени. Ни родных, ни друзей. Вообще ничего нет, за исключением пары монет в карманах и той одежды, что на мне.

– Эй! Парень! Очнись! Что с тобой?!

Я вздрогнул, вырванный из своих мыслей, непонимающе посмотрел на него.

– С тобой все в порядке?

– Все хорошо, – протянул я, не понимая, чем вызван подобный вопрос.

Дружелюбие рабочего исчезло, а вместо нее проглянула настороженность. Сейчас он стоял, держась одной рукой за поручень, а другой показывал в сторону возвышающихся зданий:

– Ты приехал в город? Вот и иди! Иди, с Богом!

Теперь я сообразил, что он принял меня за ненормального и старается как можно быстрее меня спровадить. Кивнув головой, я отправился в указанном мне направлении. Пытаясь справиться с охватившим меня чувством одиночества, я не замечал ничего вокруг себя, а просто тупо шел по просмоленным шпалам, обходя стоящие на путях вагоны. Пройдя мимо ремонтных мастерских, паровозного депо и длинного ряда железнодорожных пакгаузов, я ступил на утопанную землю, где не было рельс. Шел до тех пор, пока не услышал гул человеческих

голосов, становившийся все сильнее по мере моего приближения. Обойдя длинное здание из красного кирпича, я вдруг увидел... сюрреалистический город, построенный из распрямленных железных канистр, брошенной мебели, упаковочных ящиков, старых корпусов машин. Лачуги стояли рядами, разгороженные подобием улиц между ними, с насыпанными земляными тротуарами и высаженными возле них какими-то деревьями и кустами. Обитатели города из мусора являли собой настолько жалкое зрелище, что я даже на какое-то время забыл о своих проблемах. Одни разговаривали между собой, другие занимались хозяйственными делами, третьи готовили себе еду, стоя вокруг самодельных печек – дырявых канистр, в которых горел ярко-оранжевый огонь. Мое появление мало кого заинтересовало. Только несколько брошенных взглядов. Да и в них было больше равнодушия, чем любопытства. Несколько мгновений стоял в сомнении: идти через поселок лачуг или обойти его стороной? Затем подумал, что разницы нет, и двинулся вперед, по необычной улице. Больше всего меня поразило то, что среди этой неприкрытой нищеты были маленькие дети и беременные женщины. Заводить детей на помойке? Брр! У входа в одну такую конуру два мальчика, лет четырех-пяти, одетые в какое-то грязное тряпье, строили дом из палочек и тряпок, а рядом, у двери соседней лачуги, высокая женщина кормила грудью малыша. Пройдя еще пару хижин, невольно обратил внимание на неподвижно стоящую у входа старуху. Она стояла словно каменная. Проходя мимо, попытался уловить ее взгляд, но почти сразу отвел глаза. В них клубилась такая глухая безысходность, что у меня по спине невольно пробежал холодок.

Дойдя до последнего ряда лачуг, я уже был готов идти к видневшимся впереди домам – окраине Чикаго, как меня окликнули. Старик с красно-сизым носом, позвавший меня, имел вид горького пьяницы. В руках он держал нечто вроде котелка, из которого время от времени прихлебывал. Сидел он на обломках детской коляски, которые с помощью доски превратил в подобие скамейки.

– Ты, похоже, нездешний, парень? Что-то я тебя здесь раньше не видел!

Я остановился.

– Не здешний, – подтвердил я его слова. – Только что с поезда.

– Откуда приехал, малыш?

– Гм. Из Арканзаса.

– Решил посмотреть на огни большого города?

– Вроде того.

Он отхлебнул из своей емкости и скривился.

– Что-то у старого Пита нынче совсем плохая брага получилась. Дерьмо, одним словом.

И куда ты теперь?

– Попробую устроиться на работу.

– Хм! А что ты умеешь?

– Ну... Работать в поле.

– Ха! – усмехнулся старик. – В поле! Еще скажи: ухаживать за скотиной! Кому здесь это надо?! Ты подумай об этом своей дурьей башкой! Никому! Посмотри на свои лапы! Ни в один приличный магазин не возьмут с такими граблями! Там нужны чистые, прилизанные мальчишки! Ты посмотри на тех, кто живет в этом поселке! Они тоже приехали за лучшей жизнью! Где они теперь?! Где?! Не знаешь?! А ты посмотри вокруг! Здесь они! Здесь! На этой помойке!

Похоже, бродягу уже разобрало его пойло, потому что с каждой фразой его дребезжащий, словно надтреснутый колокол, голос, с каждой секундой становился все громче. Народ из ближайших хижин, обернувшись на его крики, почему-то смотрел не столько на него, сколько на меня. Под их взглядами мне стало неловко. Я уже начал соображать, как мне выйти из этой ситуации, как вдруг неожиданно раздался крик худой женщины с костистым лицом:

– Хватит горло драть, старый дурак! У меня ребенок спит!

После её сердитого окрика старик замолчал, но только я повернулся, чтобы уйти, как он негромко пробормотал:

– Иди-иди и не говори, что тебя не предупреждали.

Получив подобное напутствие на дорогу, я развернулся и пошел дальше, через помойку, начинавшуюся сразу за поселком. Обходя кучи мусора, я непроизвольно ускорял шаги из-за отвратительных запахов, поднимавшихся от нагретой земли, но чем ближе подходил к городской окраине, тем больше не мог понять, что сильнее вызывает во мне отвращение: сама помойка или городские дома.

Рассыпающиеся старые здания с ржавыми лестницами и настежь открытыми черными проемами подъездов, возле которых лежали горки мусора. Кошки и крысы, шныряющие среди сломанных ящиков и разбитых бутылок, валяющихся прямо на земле. Нестерпимая вонь, пропитавшая воздух улиц, исходившая от многочисленных боен, лишь усугубляла ощущение, что город умер и разлагается, подобно громадному животному. Люди, встречавшиеся мне на улицах, в своем большинстве выглядели так, словно впервые вышли на улицу после тяжелой, затяжной болезни.

Все, что я сегодня видел, тяжелым грузом легло мне на душу, но, несмотря на это, стоило моему носу учуять запах еды из распахнутой двери закуской, как ноги сами понесли меня к ней. Переступив порог, осмотрелся: старая деревянная стойка, плевательницы, большое зеркало, столы. Пахло застоявшимся вином, мужским потом, сигаретным дымом. Подойдя к стойке, я спросил:

– Что есть из еды?

Толстяк, с обвисшими как у бульдога щеками, был занят протиркой стаканов, поэтому не глядя на меня буркнул:

– Как обычно.

Не получив ответа, поднял на меня взгляд, несколько секунд изучал меня, после чего сказал:

– Яичница. Бифштекс.

Не зная местных расценок, я сказал:

– Яичница. Пять яиц. Сколько с меня?

– Шесть центов есть?

– Есть!

– Садись. Там, в углу. Что пить будешь?

– Э-э... Просто воды можно попросить?

– Всегда пожалуйста, – не удержался от кривой усмешки бармен.

Тарелку я очистил в три минуты, а затем с минуту думал над стаканом с водой: не заказать ли мне еще одну порцию, но вместо этого спросил:

– У вас работы для меня не найдется?

Хозяин коротко хохотнул и сказал парочке завсегдатаев, сидевших у стойки:

– Еще один фермер приехал покорять наш город!

В ответ те разом ехидно заулыбались, выставя на обозрение черные пеньки испорченных зубов. Я сгреб сдачу и аккуратно отправил ее в карман штанов, затем снова спросил:

– Так нет работы?

Хозяин закуской отрицательно покачал головой.

– Не там ищешь, парень, – откликнулся на мой вопрос мужчина, сидевший за столиком в двух шагах от меня. Его лицо, продубленное ветром и солнцем, казалось грубо вылепленной маской, обожженной на огне.

– А где надо искать?

– В порт иди. Может, там повезет.

– Иди на скотобойни, – посоветовал один из посетителей, сидевших у стойки. – Они постоянно нуждаются в людях. Работу там точно найдешь, а вот сколько времени на ней протянешь – это вопрос.

– Точно! Первые два дня я просто есть не мог. Кусок в горло не лез, – поделился своими впечатлениями другой мужчина, сидевший у дальнего конца стойки. – На полгода меня только и хватило! Потом еще полгода снились горы этой чертовой сизой требухи.

– А если грузчиком? В магазин?

Мой вопрос неожиданно вызвал всеобщий смех.

– Ты что, не понял, парень, о чем тебе толкуют?! Город переполнен всяким сбродом, который хватается за любую работу! Даже самую грязную! Негры, латиносы, поляки с евреями. Их тут полным-полно! У них семьи, дети. Их кормить надо! Теперь понял?!

– Зря ты сюда приехал! – подхватил тему мужчина за столиком. – Сидел бы ты, парень, лучше в своем Канзасе или Айдахо и выращивал картошку с кукурузой! Чего тебе на месте не сиделось?

– Да вот не сиделось, – буркнул я недовольно, начиная злиться на непрошенных советчиков. – Тогда хоть подскажите: где здесь можно переночевать?

– Доберись до перекрестка ниже Чикаго-авеню. Там множество ночлежек с чем-то похожим на постель для парней вроде тебя. Стоимость – двадцать пять центов за ночь или доллар за неделю, – посоветовал мне мужчина с дубленным лицом.

– Что ему в названии улицы?! Он ведь города не знает!

– Ноги есть?! Язык есть?! Дойдет!

После его слов наступило молчание. Развернувшись, я пошел к выходу. Уже переступая порог, успел услышать начало фразы:

– Ничего себе бычок вымахал! Такого встретишь в темном переулке...

Я шел, обдумывая на ходу ситуацию.

«Плохо дело. Надо срочно искать хоть какую-нибудь работу. Еще надо найти место, где можно переночевать. Ночлежка отпадает сразу. Нет у меня на нее денег! Да и экономить надо. Работа! Куда пойти? Наверно, в порт. На скотобойни... Брр! Если только от голода умирать буду! Можно по складам пробежаться. Вдруг, повезет! Вот тебе и век благоденствия! Хм! Может, все-таки попробовать заглянуть в пару магазинов... Только не в этом районе... Надо найти какой-нибудь крупный торговый центр. Ближе к центру города...»

Углубившись в мысли, я шел вперед, не замечая ничего вокруг, пока не понял, что оказался в лабиринте из трехэтажных домов, опутанных решетками железных балконов и пожарных лестниц. Окна домов были распахнуты настежь, и почти в каждом из них виднелись лица жильцов. Стоило мне появиться, как внимание жителей ближайших домов сразу сосредоточилось на мне. Мне стало неуютно под их взглядами, и я ускорил шаг, только изредка бросая взгляды по сторонам. В оконных проемах квартир первого этажа были видны железные спинки кроватей, покрытых тонкими одеялами, грязная посуда и объедки пищи на столах. У одного из таких окон сидела женщина с большими печальными глазами и вязала чулок, считая петли. Несколько детей в возрасте пяти-семи лет рылись в коробках с мусором, стоящих у одного из домов. Кругом грязь, сырость, ржавчина. Чувство отвращения к этому городу росло с каждой минутой. Мне стало казаться, что все в этом городе пропитано вонью и грязью. Причем не только стены домов, стекла окон, одежды людей, но и сами люди. Их мозги, желания, мысли...

Завернув за очередной угол дома, я вдруг понял, что заблудился. Пробежав глазами по сторонам, я наткнулся на изучающий взгляд парня с гривой курчавых иссиня-черных волос, который подпирал плечом стенку. Его руки засунуты глубоко в карманы брюк. Я уже хотел спросить у него дорогу, как тот резко оттолкнулся от стены, после чего достал руки из карманов и, засунув пальцы в рот, громко засвистел. Несколько мужчин с черными глазами и оливковой кожей, до этого стоя у подъездов одного из домов и о чем-то горячо спорившие,

оглянувшись на свист, заметили меня. В их взглядах я заметил нечто такое, что к моей растерянности прибавило чувство тревоги. Только сейчас я заметил, что люди вокруг меня имеют ярко выраженные черты южан.

«Итальянцы? Блин! Итальянский квартал! Мафия! Банды! – отрывочные мысли, замелькавшие в голове, стали для меня своего рода ударами тревожного набата. – Бежать! Бежать отсюда быстрее!»

Развернувшись, я пошел обратно, непроизвольно ускоряя шаг. Еще несколько поворотов, и вдруг я наткнулся... на тупик. В растерянности огляделся по сторонам. Впереди – развалины дома, готовые рухнуть при первом прикосновении, справа – большая мусорная куча самого отвратительного вида, слева – глухая стена. Оглянувшись по сторонам в поисках выхода, я увидел длинного и худого старика, роющегося в куче мусора.

«Может, он мне подскажет дорогу?»

– Эй!

Услышав мой голос, тот резко повернулся в мою сторону. Я еще только открыл рот, как старик, щуря красные веки больных глаз, невнятно забормотал какую-то нелепицу, похожую на бред сумасшедшего.

– Все понятно, – пробормотал я тихо. – Больше вопросов не имею.

На землю опускались сумерки. Вгляделся в сгустившуюся тень улицы, тесно зажатой между домами. Погони не было.

«Черт! Похоже, парень, у тебя слишком богатое воображение. Местный хулиган решил просто попугать тебя, а ты, герой, сразу наутек бросился! Хм! Пусть так, но меня такой вариант вполне устраивает».

Оглядевшись по сторонам еще раз, понял, что если не собираюсь ночевать на развалинах, среди мусора и крыс, мне придется вернуться тем же путем и снова попробовать найти выход из этого района. Чувство опасности еще не улеглось, и я решил немного выждать. Чтобы хоть как-то скоротать время, стал смотреть на старика, продолжившего копаться в куче отбросов. Время от времени тот что-то доставал, а затем складывал в мешок, лежавший на земле. Прошло около пяти минут, когда до меня вдруг донеслись приглушенные расстоянием невнятные голоса людей. Сердце сжалось, а потом с силой забило в грудную клетку. От волнения перехватило горло.

«Это за мной!»

Их было шестеро. Все подростки, от четырнадцати до шестнадцати лет. Трое из них были невысокого роста и не отличались атлетическим сложением, но агрессивности и дерзости, судя по злобным ухмылкам, им было не занимать. Подойдя ко мне и выстроившись полукругом, они чем-то стали похожи на крыс, ставших на задние лапы. Никогда не имел дела с этими тварями, но почему-то именно так представлял их взгляд. Голодный, злобный и жестокий. Несколько секунд мы стояли друг против друга, пока их главарь, парень с густой копной волос, не спросил:

– Ты чего, верзила, делаешь на нашей земле?!

– Заблудился. Покажите дорогу, и я уйду.

– Уйдешь, когда я тебе позволю! Деньги есть?!

Мгновение раздумывал, но потом отрицательно покачал головой.

– Куртка у него ничего. Почти новая, – подал голос худой подросток с жестким, угрюмым лицом, стоявший по левую руку от главаря.

– Заткнись, Доминик! Эй ты, давай снимай куртку и вытряхивай все из карманов! Да живее! Мои парни не привыкли ждать!

Невольно всплыли в памяти слова отца, которые стали для меня жизненной своеобразной позицией: «Когда неожиданность падает как снег на голову, нельзя терять время. Не надо гадать, как и почему это произошло. Не надо винить себя. Не надо искать виновных. Всем этим можно будет заняться позже. Первым делом надо оценить ситуацию. Определить

минусы. Найти плюсы. В соответствии с этим составить план действий. Если так сделать, у тебя появится шанс».

Я по-прежнему их боялся, но страха, который ломает человека, низводя его до роли слизняка, не испытывал, поэтому он не помешал мне принять нужное решение.

– Куртку на землю положить? – спросил я хриплым от волнения голосом, стараясь придать голосу как можно более жалобный тон. Похоже, роль труса мне удалась, судя по тому, как расслабились их тела, а на лицах появились презрительные усмешки.

– Доминик, возьми его куртку! – скомандовал главарь своему помощнику.

Не успел малолетний грабитель сделать пару шагов по направлению ко мне, как я кинулся ему навстречу. Удар пришелся ему прямо в лицо. Доминик не успел ни отстраниться, ни прикрыться рукой, и только уже падая на землю, издал дикий вопль. Неожиданное нападение на какие-то мгновения парализовало банду, дав мне возможность продолжить атаку. Быстрый шаг – и я на дистанции удара. Хруст кости и крик, оборвавшийся глухим стоном, дали мне понять, что я сломал главарю челюсть, но уже в следующую секунду на меня со всех сторон посыпались удары. Я их практически не чувствовал из-за охватившего меня исступленного бешенства. Никогда в жизни не испытывавший ничего подобного, подобно берсеркеру, я упивался схваткой, увлеченно нанося удар за ударом. Даже острая вспышка боли в боку заставила меня только сильнее молотить кулаками, пока один из ударов не опрокинул одного из нападавших на землю, тем самым освободив мне дорогу к бегству. Перескочив через него, я помчался со всех ног. Бежал до тех пор, пока не понял, еще немного и упаду. Несколько минут стоял, хрипя и хватая ртом воздух, как вытасенная на берег рыба, пока вдруг не почувствовал боль, огненной иглой прошившей мой левый бок. Чувствовал я ее и раньше, но тогда она мне не казалась такой жгуче-острой. Сунув руку под куртку, я почувствовал под пальцами липкую горячую влагу.

«Кровь. Я ранен».

Неожиданно накатила слабость, ноги стали словно ватные. Сделав шаг, я прислонился к стене, а затем сполз на брусчатую мостовую. Тут мне стало по-настоящему страшно. Один, раненый, в чужом городе, где никого не знал. Я попытался сообразить, что мне сейчас необходимо делать.

«Надо в больницу. А теперь надо попробовать встать на ноги».

Мысль была правильной, но слабость оказалась сильнее. Не сумев перебороть ее, я впал в какое-то полусонное состояние. В голове плыли наполовину сформировавшиеся и неясные обрывки мыслей, но тело не реагировало на них, оставаясь холодно-безразличным, пока моя протрация не переросла в горячечный сон. Сколько я так проспал – не знаю. Просто в какой-то момент в мой бред вплелись голоса. Сначала мне казалось, что это часть кошмарного сна, но уже спустя минуту я понял, что не сплю. Стоило мне окончательно прийти в себя, как я в полной мере почувствовал себя больным, разбитым и оцепеневшим.

– Слушай, а куртка еще ничего.

– Глянь, Сморчок, у него весь бок в крови.

– Давай быстро карманы ему вывернем, пока он не очнулся.

– Уже очнулся, – сказал я и открыл глаза.

В предрассветных сумерках передо мной стояли двое бродяг. Один хлипкий и низкорослый, с лысиной во всю голову и носом закоренелого пьяницы. Другой чуть повыше, с худым испитым лицом. Его седые волосы соляными сосульками лежали на плечах грязного и латаного пиджака. Лица у обоих были опухшие и небритые.

– Что случилось, приятель? – спросил меня низкорослый бродяга.

– Драка... была.

– Кто же тебя...

– Не лезь к человеку, Сморчок. Это не наше дело.

– Что правда, то правда, Музыкант.

– Вы мне можете помочь?

– За четвертак доведем куда угодно. Хоть до ада, если ты знаешь туда дорогу, – быстро проговорил Музыкант.

– До ближайшей больницы.

– Можно и до больницы. Только идти туда... Далековато, скажем. Сам-то ногами передвигать можешь?

– Надо попробовать, – неуверенно сказал я.

– Стой! А Док?!

Своим неожиданным вопросом Сморчок озадачил не только меня, но и своего приятеля.

– Док... Да его два дня не было! Хм, впрочем... нас самих сутки не было. Может, и появился. У тебя есть деньги, парень?

Вопрос о деньгах дал мне понять, какое жалкое зрелище я сейчас представляю. Хотелось соврать, но мысль, что снова могу остаться один, заставила меня сказать правду:

– Двадцать центов.

Они переглянулись. Потом Музыкант сказал: – Ладно. Хватайся за меня.

Глава 2

Поддерживаемый с двух сторон бродягами, я шел, с трудом переставляя ноги. В тот самый момент, когда почувствовал, что мои силы на исходе, мы подошли к полуразрушенному зданию, похожему на склад. Середина крыши провалилась, двери не было. Хотя начало светать, в помещении стоял полумрак. Над углом, который выбрали для проживания бродяги, нависала часть сохранившейся крыши. Вся обстановка приюта бездомных состояла из проржавевшей бочки – печи, трех грязных матрасов, на каждом из которых лежало по вороху тряпья и двух перевернутых ящичков, плотно прижатых друг к другу. На этой имитации стола стоял закопченный чайник и несколько жестяных банок – кружек. Рухнув на один из матрасов, я только закрыл глаза, как меня начал теревить за рукав Сморчок:

– Эй! Потом спать будешь! Ты вроде говорил, что у тебя деньги есть!

Не открывая глаз, я сунул руку в карман штанов и выгреб монеты.

– Держи.

Следующие два дня я воспринимал окружающий меня мир через горячечный бред, потом внутри меня словно нажали на кнопку «поправка», и я снова почувствовал себя человеком. По словам Дока, мне просто исключительно повезло. Нож, пронзив мне бок, прошел глубоко, но при этом не задел ни одного органа, а молодой и крепкий организм сделал все для того, чтобы его хозяин встал на ноги. Еще через день Док, осмотрев мою рану, сказал, что я выздоравливаю, после чего исчез в неизвестном направлении. Больше мы никогда не виделись. Моих двадцати центов и полдоллара, которые принес Док, хватило всего на два дня, да и то большая часть из них ушла на дурно пахнущий суррогат виски.

Как только я пошел на поправку, для меня главной проблемой стал голод. Когда деньги кончились, Сморчок и Музыкант отправились на промысел. Следующие несколько суток я ел то, что они приносили. По большей части это были объедки, но дело было уже не в качестве, а в их количестве. Их было катастрофически мало, поэтому мне хотелось есть двадцать четыре часа в сутки. Несмотря на все трудности, что мне выпали, я не впал в отчаянье. Наоборот. Я сумел выстоять и выжить, что дало мне некоторую уверенность в своих силах. Спустя четыре дня, после удачной попытки без поддержки встать на ноги и пройтись, я объявил бродягам, что завтра уйду. Попробую лечь в больницу для бедняков. Ни тот, ни другой даже не думали скрывать своей радости после моих слов. Я их понимал, хотя все равно мне было немного обидно.

Когда я утром проснулся, никого из них уже не было. Встал. Бросил последний взгляд на убогое убежище, давшее мне приют, надел куртку и направился к выходу. Дорогу к больнице и адрес я уже знал. Выйдя, постоял с минуту, определяясь с направлением, и только успел сделать шаг, как из-за угла склада выбежал Сморчок и закричал мне, чтобы я быстрее шел за ним.

– Куда?!

В двух словах он мне объяснил, что недалеко, на 47-й улице, Армия Спасения открыла бесплатную столовую для бедняков. Услышав о возможности нормально поесть, я больше не стал ни о чем спрашивать, а просто пошел за ним. По пути пытался вспомнить, что знаю об этой Армии, но – увы! – мои знания ограничивались только одной строчкой: добровольная организация, занимающаяся помощью бедным.

Через десять минут мы уже были на пустыре, где стоял длинный брезентовый шатер темного-зеленого цвета, у входа которого стояла длинная очередь, метров на тридцать, а люди все подходили и подходили. Рядом с входом стоял деревянный стол, за которым сидел человек в униформе. Он беседовал с каждым человеком, перед тем как пропустить того в шатер. Еще несколько офицеров вели разговоры с людьми, стоявшими в очереди, рассказывая им о задачах Армии Спасения. Дождавшись своей очереди и ответив офицеру у входа на несколько

общих вопросов, я прошел в палатку. После обеда, состоявшего из тарелки супа и каши с двумя тоненькими ломтиками хлеба, по совету Сморчка, я пожаловался на свою рану и после тщательного осмотра получил направление в казарму Армии Спасения.

Следующие пять дней я жил по свистку дежурного офицера. Подъем, еда, молитвы, лекции, отбой. Еда здесь была намного лучше, чем отбросы, которыми я питался у своих друзей-бродяг, но мне ее все равно не хватало. Голод был моим постоянным спутником. Когда я попросил как-то еще кусок хлеба во время обеда, мне велеречиво предложили смирить свой голод духовной пищей – молитвами. Я был благодарен организации за их помощь, но то, какими методами та навязывала здоровый образ жизни, мне абсолютно не нравились. Еда и крыша над головой были теми самыми веревочками, за которые постоянно дергали офицеры Армии Спасения, чтобы направить человека на путь спасения. Хочешь получить на завтрак кусок сыра на хлеб – ходи на молебен. Хочешь получить дополнительно булочку к обеду – должен просидеть час-полтора на лекции, пропагандирующей здоровый образ жизни. Если что-то тебе не нравится, можешь высказаться, но при этом будь готов к тому, что тебе укажут на дверь. В верности последнего утверждения я убедился на личном примере, когда мыл пол в обеденном зале.

– Парень, шевелись живее! Сейчас первая смена придет!

– Быстрее будет, если ты возьмешь швабру и поможешь мне! Языком болтать вы все горазды!

Последняя фраза, сказанная офицеру Армии Спасения, была явно лишней, но об этом я узнал на утренней переключке, где было сообщено, что мое пребывание в казарме Армии Спасения закончилось. В отличие от грязного бродяги, теперь я был чист и пострижен, а одежда – заштопана и выстирана. Еще одним плюсом моего пребывания в казарме было то, что теперь я знал, как выгляжу. Лицо, в принципе, можно было назвать привлекательным. Волосы густые, черные. Глаза темно-карие. К сожалению, возраст я точно определить не смог из-за мощного сложения тела, более подходящего для взрослого мужчины, поэтому пришлось исходить из черт лица. Если судить по нему, то парню было около семнадцати – двадцати лет.

Денег я не получил, зато мне дали направление на работу подсобником в столовой, расположенной в польском квартале. Женщина-офицер Армии Спасения, вручившая его мне, исходила из рекомендации врача: две недели никаких серьезных физических нагрузок. При этом предупредила меня, что платить мне будут пять долларов в неделю плюс бесплатная кормежка, но нет выходных и работать придется с утра до вечера. Я недолго раздумывал. Мне нужна была работа. Мне нужны были деньги. Да и бесплатная еда для моего постоянно урчащего желудка была немаловажным фактором. К тому же все равно с чего-то надо начинать.

Миссис Джексон, давшая мне направление, не соврала. Все было так, за исключением того, что кухня и подсобные помещения представляли собой настоящий свинарник. Кухня представляла собой площадь двенадцать квадратных метров, наполовину загроможденная плитами и столами. Единственный мусорный ящик к полудню был всегда переполнен, а пол обычно покрыт дюймовым слоем растоптанных отбросов. Кладовая представляла собой не столько место для хранения продуктов, сколько столовую для крыс, мышей и тараканов. Крана с горячей водой не было в помине. Греть воду надо было на плите в котле, но пока готовится еда, его приткнуть было некуда, поэтому большую часть посуды мне приходилось мыть холодной водой, а подручным средством очистки от жира служили порванные на клочья газеты. Спал я в кладовой, где хранились дрова и уголь. Ващека, хозяина забегаловки, маленького и толстого поляка, очень обрадовало это обстоятельство. Дело в том, что его заведение уже трижды грабили. По этому случаю он расщедрился, принесся мне тонкое солдатское одеяло и матрац.

Я прожил так почти четыре месяца, понимая, что веду почти животный образ жизни, но времени, чтобы основательно все обдумать и прийти к какому-либо решению, у меня практически не было. Мне приходилось крутиться целый день, вроде белки в колесе, только спицами в

нем были тяжелые, грязные и многочисленные обязанности кухонного рабочего, а к вечеру так уставал, что засыпал сразу, стоило моей голове коснуться подушки. Скоро к моим основным обязанностям прибавилась работа вышибалы. Буйные клиенты были не редкостью в нашем заведении, и тогда кастет, нож, дубинка со свинцом становились главными аргументами при выяснении отношений. Обычно хозяин сам выходил из подсобки с дубинкой, пытаясь утихомирить расхोлившийся народ, а когда не получалось, звал меня. Моя самая первая попытка увещевать словами двух разбушевавшихся клиентов закончилась тем, что мне разбили нос и поставили синяк под глаз. Больше подобных оплошностей я не допускал, а только накапливал и шлифовал опыт самых подлых приемов, которые использовала местная публика. Со временем работа вышибалы стала для меня своеобразным развлечением, с помощью которого я выплескивал из себя копившуюся во мне злобу. Хуже всего для меня было понимание того, что такая тупая жизнь постепенно уродует мою душу, делая из меня настоящего обитателя этой человеческой клоаки – злобного, с вспышками дикой ярости, громилу.

«Пора уходить. Хватит. Доработаю до конца недели, а затем беру расчет. Пусть Вацек...» – мои мысли перебили звуки драки, а спустя несколько минут в проеме двери показалась жирная физиономия хозяина.

– Пошли. Поможешь.

Вытерев руки о грязную тряпку, я пошел за ним. Войдя в зал, я увидел, что драка уже закончилась. Один из ее участников сидел на полу, вытирая кровь с губ, а другой, с залитым кровью лицом, в бессознательном состоянии лежал в проходе между столиками. В шаге от неподвижного тела стоял верзила в сопровождении двух дружков. На его пьяной, красной физиономии возбужденно блестели глаза. Он чувствовал себя победителем. Я подошел к нему и сказал:

– Даю тебе на выбор: уходишь сам, или те ребята, что стоят у тебя за спиной, вынесут тебя отсюда.

– Да ты что? – ухмыльнулся верзила.

– Можешь не сомневаться, – сказал я. – Я буду считать до трех, хорошо? Так что ты решай быстрее, понятно?

Он молча смотрел на меня.

– Раз, – отсчитал я.

На его губах застыла, как приклеенная, ухмылка.

– Два, – отсчитал я.

Их было трое, а я один, поэтому пошел на обман. Вместо того чтобы считать до трех, я ударил верзилу головой в лицо. Шагнул вперед и со всего размаха врезал ему лбом в нос. Лоб изгибается идеальной дугой и передние черепные кости очень толстые. В какой-то мере это можно сравнить с ударом по лицу шаром для боулинга. Кроме того, это всегда неожиданно. Люди обычно ожидают удара кулаком или ногой, а такой удар для них как гром среди ясного неба. Под здоровяком подогнулись ноги, и он рухнул на пол, словно бык на бойне. Гулкий стук удара его затылка о деревянный пол прозвучал в полной тишине. Я обвел взглядом двоих приятелей драчуна, которые, выпучив глаза, смотрели на лежащее у их ног тело своего дружка.

– Кто следующий? – спросил я.

Ответа не последовало.

– Тогда забирайте его и валите отсюда!

Я и подумать не мог, что вчерашняя стычка уже на следующий день получит неожиданное продолжение. Не успел я приняться за работу, как неожиданно появился хозяин, который никогда раньше девяти часов утра в своем заведении не появлялся. Еще с порога он мне заявил, что я уволен. На вопрос о причине он нехотя сказал, что верзила, которого я вчера избил, является близким родственником мелкого бандитского босса в польском квартале. Все сразу стало на свои места, невольно усмехнувшись совпадению со своими вчерашними мыслями об

уходе, я стал собираться. Надел костюм, который с месяц тому назад купил за восемь с половиной долларов у человека, потерявшего работу. У него же приобрел рубашку и ботинки, а практически новая кепка досталась мне от одного из пьяных посетителей, забывшего ее в нашем заведении. Хотя до конца недели оставалось еще три дня, Вацек выплатил мне все деньги полностью. Скопленные мною деньги представляли довольно солидную сумму – пятьдесят восемь долларов, а для человека, появившегося из другого времени с двадцатью пятью центами в кармане, это было почти целое состояние. Кинул свою рабочую одежду в потрепанный саквояж, затем, попрощавшись с поварихой, я вышел на улицу. Пройдя квартал, я вдруг неожиданно почувствовал беспричинную радость, словно школьник, который, придя в школу, внезапно узнает, что объявлен карантин и у него впереди неделя свободного времени.

Дойдя до очередного перекрестка, я неожиданно понял, что не знаю, где сейчас нахожусь, так как до сих пор толком не изучил города, за исключением пары районов, населенных эмигрантами, да и то источником подобных знаний стали походы с хозяином на продовольственные рынки. Оглянулся по сторонам и вдруг заметил рекламу, выставленную за грязным стеклом витрины: «Горячие пончики с повидлом! Только у нас вкусные, домашние пончики! Такие, как пекла ваша бабушка! Пальчики оближете!» Неожиданно захотелось сладкого. Зайдя в закусочную, заказал порцию пончиков и стакан лимонада. Реклама не соврала – пончики оказались вкусными. Сидя за столом, накрытым несвежей скатертью, перед недопитым стаканом, я неожиданно подумал: «Как все просто, когда есть деньги. Что захотел, то и получил. Что сейчас, что в будущем. Хватит ерундой заниматься, пора сколачивать капитал. Молодой, здоровый, голова работает. Кому как не такому быть богатым! И я буду им! Буду, чего бы мне это ни стоило!»

Давая себе подобное обещание, я прекрасно понимал, что это будет трудно. Неимоверно трудно. Не имея хорошей рабочей специальности, я не мог претендовать на хорошо оплачиваемую работу, а простой рабочей силы в городе хватало с избытком, но, несмотря на трудности, я смотрел в будущее с оптимизмом. Заказав еще одну порцию пончиков, я за едой принялся составлять план на ближайшие несколько дней: «Для начала найду себе приличный ночлег, погуляю по городу, а завтра с самого утра пройду по магазинам и торговым конторам. Читать, считать, писать – я умею. Знаю русский и французский языки. Чем черт не шутит, может, и удастся в какую-нибудь контору устроиться! Только вот как с рекомендациями быть? На такую работу просто так с улицы не берут. Впрочем, можно начать и с грузчика. Не получится – схожу в порт. Говорят, что там время от времени можно найти подработку. Потом, когда устроюсь, через год-полтора можно будет подумать о собственном бизнесе. Я буду миллионером! Буду во что бы то ни стало!»

В приподнятом настроении вышел на улицу. Сначала шел по Кларк-стрит, мимо табачных лавок, магазинов ношеной одежды, дешевых ресторанов и десятицентовых танцзалов, где мужчинам-посетителям навязывали свое мастерство проститутки, затем свернув за угол, двинулся в направлении северной части Чикаго, Норт-сайда – района богатых людей. Я еще только подходил к нему, как услышал шум оживленного уличного движения – гудки автомобильных сигналов, звонки трамваев, бряканье упряжи и лязг копыт лошадей, запряженных в конные экипажи. Выйдя на широкую и чистую улицу, я был поражен роскошью витрин магазинов, зеркальными дверьми ресторанов, которые охранялись бородами швейцарами, ярким, цветным калейдоскопом платьев, накидок, зонтиков женщин и строгими, но явно пошитыми на заказ у дорогих портных костюмами мужчин. Я словно попал в другой мир, где было чисто, светло, безопасно. Ощутить такое может только человек, которому постоянно приходилось жить настороже. Дело в том, что, живя в квартале, где в основном жили поляки, чехи и словаки, я был для них тем, кем они – для Америки. Чужаком. Я нередко слышал в свой адрес оскорбления и ругательства, также меня нередко пытались спровоцировать на драку, но после

того как я отправил в больницу двух отъявленных драчунов, меня перестали задевать, но не перестали ненавидеть. Стоило мне это понять, то ненависть стала обоюдной.

Идя по улице и глядя на хорошо одетых мужчин и женщин, я думал о том, что придет время, и я, как эти чисто выбритые, пахнущие дорогим одеколоном, хорошо одетые мужчины, буду прогуливаться по Мичиган-авеню, самой шикарной улице северной части Чикаго. Я не обращал внимания на косые взгляды гуляющей публики, пока не дошел до ресторана с зеркальными дверями, где увидел свое отражение на фоне шикарно одетой публики. Острое чувство ущербности словно ножом резануло по моему самолюбию. Еще час назад я был доволен своим костюмом, пусть далеко не совершенством, но сейчас... я выглядел грязным пятном на этом цветастом празднике жизни. Пряча глаза, я быстро зашагал прочь.

«Все! Хватит бесплодных мечтаний! Надо идти искать жилье! Так. Сориентируемся. Я нахожусь...» «И тут мой позвоночник пронзила огненной иглой боль. Резко развернулся. Передо мной стоял полицейский. В глазах настороженность и злость, а в голосе угроза:

– Я тебя не знаю. Кто ты?! – но, видимо почувствовав мою растерянность, коп сбавил тон: – Вали отсюда, парень, пока снова не вытянул тебя дубинкой!

Я старался уважать закон, поэтому быстро сумел пригасить вспыхнувшую во мне ярость.

– Хорошо, офицер. Мне не нужно неприятностей. Уже уйду!

Только начал разворачиваться, чтобы уйти, как послышался смех. Противный, ехидный смех. Бросил неприязненный взгляд в сторону бара, у входа в который стояли два парня. Костюм каждого из них стоил не менее полусотни долларов. Мягкие шляпы сдвинуты на затылок. У одного из них изо рта торчала сигара. Увидев, что я на них смотрю, один из них, тип с тяжелым квадратным подбородком, весело закричал полицейскому:

– Так его, Багси! Гони босяка! Гони его с наших улиц!

Я уже решил не обращать на них внимания, как второй молодчик, достав изо рта сигару, крикнул:

– Эй, засранец! Хочешь заработать доллар?!

Некоторое время он смотрел на меня, ожидая ответа, но не получив, снова крикнул:

– По глазам вижу, что хочешь! Вылижи мне туфли языком – получишь! Клянусь окурком этой кубинской сигары!

Квадратный подбородок, услышав шутку приятеля, прямо-таки заржал, так ему стало смешно. Ярость затуманила мой рассудок. Сжав правую руку в кулак, я быстро подошел к ним. Мой угрожающий вид мгновенно стер улыбки с их лиц.

– Попробуй повторить, что только что сказал, и настанет твоя очередь лизать мне башмаки!

К сожалению, охваченный яростью, я совсем забыл о полицейском. Удар дубинки по голове заставил меня застонать и пошатнуться, а последнее, что я видел, был тусклый отблеск на кастете, надетый на руку бандита с квадратным подбородком.

Очнулся я возле мусорных баков. Первое же движение исторгло из меня стон боли. Голова просто раскалывалась на части.

– А-а-а! Ох! Как больно... Черт! Где я? Что со мной?

Не успел вопрос прозвучать, как уже в следующее мгновение я вспомнил, что произошло.

– Козлы! Ублюдки! Только попадитесь! Блин! Моя голова... Ох! Что это за место?

Стараясь не делать резких движений, осторожно огляделся. Я сидел у стены, рядом с баками и ящиками с пищевыми отходами, над которыми висел рой противных сизых мух. Опираясь на мусорный бак, осторожно поднялся. Несколько минут ждал, пока перед глазами рассеется муть, потом осторожно потрогал голову. Левая ее часть была в запекшейся крови.

«Проклятье! Сколько времени я так пролежал? О Господи! Деньги!»

Сначала залез во внутренний карман пиджака, потом пошарил по остальным карманам. Сорок долларов исчезли. Осталась только мелочь и десятка, которую я свернул трубочкой и

засунул в дырку подкладки пиджака. Я лишился не только денег, но и возможности без спешки найти работу. Да еще разбитая голова. Дикая злоба вихрем закрутилась у меня в душе, а мозг запылал от ярости. Мне хотелось ломать кости и крушить челюсти.

– Гады! Гады!! Мать вашу!

Но уже спустя несколько минут ярость растворилась под напором боли, сверлящей левый висок. Выбравшись из проулка, я тихо побрел в поисках ближайшей больницы. Мне повезло. Городская муниципальная больница оказалась сравнительно недалеко, всего в двадцати минутах ходьбы. Мою рану обработали и перевязали, дали пару таблеток аспирина, после чего сравнительно вежливо попросили уходить и больше не приходить. Вежливо поблагодарив сестру, сделавшую мне перевязку, я вышел на улицу. Некоторое время шел в толпе, пока не понял: мне надо побыть одному в тишине и спокойствии, чтобы обдумать все как следует. На мое счастье, через квартал я наткнулся на небольшой парк. Сел на скамейку рядом с пожилой женщиной, кормившей воробьев и голубей хлебом. Некоторое время бездумно смотрел на птиц, копошившихся у ее ног и ссорившихся из-за хлебных крошек, потом попытался понять, что мне делать дальше. Нормально мыслить мне мешало чувство злости и бессилия, так как я прекрасно понимал, что в моем положении бессмысленно мечтать о мести. Дело было не в страхе, а в понимании местной жизни. Те двое, без сомнения, были бандитами из одной преступных группировок. Гангстеры. Хозяева Чикаго. Эти не станут думать, перед тем как нажать на курок, когда я снова окажусь у них на пути. О мести копу вообще речи быть не могло. За ним стоит закон. Стоит только прийти в участок и заикнуться о неправомерности его действий, как тут же будет сострепано дело, после чего я окажусь в тюрьме с отбитыми почками. Кто я для всех них? Босьяк. Бездомный бродяга. На меня можно плевать, ругать, даже убить. Я никому не нужен, кроме самого себя.

Чувства собственного бессилия и оскорбленного самолюбия, объединив усилия, что-то сломали в моем сознании. Я почувствовал это, но понял уже намного позже, что это был щелчок, открывавший замок клетки зверя, живущего в каждом из нас, но уже сейчас отголосок рычания зверя привел меня к следующей мысли: «Низводя человека до уровня зверя, люди не должны ожидать от него милосердия. Такой человек имеет право жить, как хочет!»

Мысли о том, чтобы стать гангстером, появлялись у меня и раньше, но я отбрасывал их, потому что с пеленок был воспитан уважать власть и строго соблюдать законы. Я даже помыслить не мог, чтобы переступить этот порог, но теперь... Сейчас этот вариант жизненного пути стал для меня как бы менее противным. К тому же, как я уже знал, отношение людей к самим гангстерам было самым разным. Обычные обыватели боялись, а для бедняков и эмигрантов это был один из способов вылезти из кучи дерьма, в которое их загнала жизнь. Именно поэтому у самой бесправной части населения бандиты и убийцы становились своеобразным воплощением американской мечты. Захлебываясь от восторга слюной, они восторженно пересказывали друг другу байки о красивой жизни бандитов, об их дорогих костюмах и шикарных ресторанах, которые те посещают, и, конечно, о толстых, распираемых от денег бумажниках. О наиболее известных гангстерах говорили в равной мере, как о миллионерах или известных актерах кино. Именно благодаря слепому восхищению, со временем бандиты стали законодателями «гангстерской» моды. Машину марки «Кадиллак», бриллиант в зажим для галстука, шляпу от фирмы «Валентино», енотовую шубу для зимних поездок в машине – все это принесли в мир желаний и престижа американские гангстеры. До сегодняшнего дня я не думал всерьез о подобном выборе, но сейчас стал склоняться к тому, что это, возможно, тот единственный путь, который сделает меня хозяином жизни.

«Жить надо сегодня и сейчас! Не по своей воле я сюда попал, а потому вправе выбрать себе путь! Я стану выше толпы! Стану выше закона!»

За своими мыслями я не заметил, как наступили сумерки. Выйдя из парка, я направился в кварталы бедняков для поиска пристанища на ночь. Дойдя до 28-й улицы, где как мне под-

сказали, находится ряд дешевых ночлежек, я увидел то, что всей душой ненавидел. На одной стороне улицы находилось несколько ветхих зданий – ночлежек, а с другой стороны тянулся ряд лавочек, на чьих грязных витринах стояли ящики с полусгнившими овощами и фруктами, а на самом деле здесь торговали низкокачественным спиртным. Между любителями выпить, как мухи, роились шлюхи и воры. Едкая вонь, идущая от куч отбросов, смешиваясь с липким запахом рвоты и ядреным духом дрянного самогона, просто не давала нормально дышать. С первых шагов я понял – ночевать здесь не буду. Пройдя до конца улицы, я вышел к жилому кварталу, соседствующему с территорией портовых складов. Здесь было меньше мусора и свежее воздух. Присел на обломок камня. Мое внимание привлек пьяный, медленно бредущий по другой стороне улицы. Временами его шатало, и тогда он хватался за стену, выжидал с минуту и затем двигался дальше. В какой-то момент пьяного настолько резко шатнуло, что рука скользнула по стене, и тот, не найдя опоры, упал на землю. После нескольких попыток встать алкоголь сломал его, и он захрапел, широко раскрыв рот.

«Животное! – с этой мыслью я поднялся и медленно пошел, но не успел пройти и двух десятков метров, как услышал позади себя странный звук. Оглянулся и увидел противную картину. Старик с отечным лицом нездорового желтого оттенка, склонился над пьяным и шарит у него по карманам, затем что-то сунул себе в карман. Почувствовав мой взгляд, посмотрел в мою сторону и замер в ожидании моих действий, но увидев, что я ничего не предпринимаю, стал расшнуровывать ботинки пьяного.

«Да это не люди, а крысы в человеческом облике!»

16 января 1920 года в Соединенных Штатах вступила в силу 18-я поправка к конституции страны, принятая в конгрессе большинством голосов. Первый ее раздел гласил: «Через год после ратификации настоящей статьи в Соединенных Штатах и на всех подвластных им территориях запрещаются производство, продажа или перевозка, а также ввоз или вывоз опьяняющих напитков для потребления». Казалось, что цель была достигнута, но планы по созданию общества, лишённого преступности, не только не воплотились, а скорее наоборот, влили в криминал новую силу, придав ему новый вид и новую репутацию. На нелегальной торговле спиртными напитками теперь можно было заработать фантастические прибыли, но при этом контрабанда алкоголя была отнюдь не безопасным занятием. В борьбе с полицией и с конкурентами приходилось прибегать к всевозможным уловкам, но, прежде всего, нужно было иметь хорошо налаженную организацию, поэтому банды, с одной стороны, стали напоминать коммерческую фирму, с другой – походить на небольшую армию. У гангстеров была своя бухгалтерия, свои врачи, оперировавшие и лечившие их в случае ранения, прикормленные адвокаты, защищавшие бандитов в суде, и политики, проталкивающие выгодные криминальным структурам законопроекты.

Пограничники и американская береговая охрана были не в состоянии противостоять незаконной торговле. Лодки с подвесным мотором обеспечивали транспортировку с одного берега Великих озер на другой. Поезда перевозили ящики с виски, замаскированные среди других, совершенно легальных, товаров. Целые колонны грузовых автомобилей под охраной вооруженных до зубов головорезов везли спиртное из Мексики.

Только в 1924 году, согласно официальной статистике, нелегальный импорт алкоголя оценивался по меньшей мере в 40 миллионов долларов и выше. Из них только 5 процентов было конфисковано чиновниками, контролирующими выполнение «сухого закона». К середине 20-х годов города Америки были буквально нашпигованы притонами, где тайно торговали виски и джином. Только в одном Чикаго было выявлено более 10 000 подобных заведений, 15 000 – в Детройте, и от 30 000 и выше – в Нью-Йорке.

Алкоголь не только привозили из-за границы, но и продолжали производить в самих Соединенных Штатах: начиная от самогонщиков, гнавших спиртное для своих личных нужд,

и кончая организацией перегонных заводов и промышленным производством, причем все это находилось под контролем преступных группировок. Столицей американских бутлегеров стал Чикаго, чему способствовало удобное географическое положение на самой границе с Канадой. Кроме того, Чикаго был крупным городом с многочисленными национальными диаспорами и давними традициями бандитизма.

В Чикаго в 1923 году было более ста банд, правда, в своем подавляющем большинстве это были мелкие группировки. Хотя принято считать, что Джон Торрио и Аль Капоне были единовластными хозяевами Чикаго, но это было не совсем так. Чикаго – слишком большой кусок добычи, поэтому в нем действовало свыше десятка крупных независимых банд. Ирландцы, итальянцы, евреи. Рэкет, проституция, игорный бизнес, контрабанда спиртного, угон автомобилей, налеты на банки – все это входило в сферу их деятельности. Ирландцы, единственные из бандитов, кто не занимался индустрией секса. Они не только не занимались этим сами, но и не давали устраивать бордели на своей территории другим бандам.

В 1920 году Джон Торрио, глава крупной итальянской группировки, организовал встречу главарей крупнейших банд Чикаго. На ней была определена территория для каждой из преступных группировок. Несмотря на мирное соглашение, вооруженные стычки между бандами и угон машин со спиртным друг у друга не были редкостью. Самой мощной из ирландских группировок была банда Диона О'Бэниона. В отличие от Капоне, он, даже став боссом, продолжал лично участвовать в кровавых расправах. На его счету было более двадцати пяти убийств, и он заслуженно считался самым опасным человеком в Чикаго. Вот только итальянец оказался подлее и хитрее, чем его соперник. Он прекрасно знал, что главарь ирландцев очень любит цветы и является владельцем большого цветочного магазина. 10 ноября 1924 года трое наемных убийц зашли в его цветочный магазин, якобы за покупками. Они были рекомендованы О'Бэниону одним из его друзей, поэтому ирландский гангстер не ожидал подвоха. С секатором в правой руке он вышел навстречу «клиентам» и... был убит шестью выстрелами в упор. Он получил по пуле в каждую щеку, две в горло и две в грудь. Это было традиционное заказное убийство: пока один гангстер держал его руку в крепком рукопожатии, два других разряжали в жертву пистолеты. Убийцы исчезли в неизвестном направлении, а Капоне прислал на похороны своего конкурента роскошный венок и выразил соболезнования его родственникам. Война между итальянцами и ирландцами, старавшимися удержать первенство в криминальном мире, продлилась до начала 30-х годов. Ее последним эпизодом стала знаменитая «Ночь святого Валентина», когда в одном из городских гаражей была целиком уничтожена банда Морана – последнего гангстера-ирландца, не желавшего подчиниться Аль Капоне. Ирландцы проиграли, потому что слишком романтично относились к своему бизнесу. Они видели в нем лихую героику, азартную игру с законом и смертью, но этого оказалось слишком мало, чтобы год за годом противостоять той мощной и организованной криминальной машине, которой в итоге стала итальянская мафия.

Глава 3

Ежедневно жители Чикаго со страниц газет узнавали о перестрелках и убийствах, полицейских облавах и судебных процессах по делу гангстеров. Это давало широкую, но далеко не объективную картину преступного мира Чикаго, а уж про такие детали, как расположение штаб-квартир банд или схему раздела городских территорий и сфер влияния, знали только в центральной бригаде детективов. Мне такие подробности тоже были неизвестны, но зато я знал, как и в каком направлении будет развиваться организованная преступность в Чикаго. Даты, имена, события, подробности. Эта информация еще была свежа в моей памяти, поэтому вспомнить и восстановить большую часть исторических событий тех лет не составило труда. Она могла помочь мне сделать ставку на победителя, но я выбрал проигравшую сторону, банду ирландца Чарльза Диона О'Бэниона по прозвищу Дэнни. Почему? Во-первых, у меня была свежа в памяти схватка с малолетними итальянскими бандитами. Во-вторых, я знал, что итальянцы очень редко принимают в свои ряды чужаков, а если и берут, то только на «грязную» работу. В-третьих, при необходимости я мог бы попробовать изменить ход истории в пользу ирландцев. В-четвертых, мне было известно место, где я мог встретить людей О'Бэниона.

Во время одного из походов на рынок с Вацеком, хозяином забегаловки, я с удивлением увидел, как толпа стала подаваться в разные стороны, чтобы пропустить трех хорошо одетых мужчин. Вацек, проследив мой взгляд, уважительно сказал о них:

– Люди Дэнни. Ирландцы.

Мой план был прост: поговорить с бандитами, когда они явятся на рынок. Я понимал, что он наивен, но как поступить по-другому, просто не знал. Пришлось прождать не менее двух часов, пока те не появились. При виде их меня снова начали одолевать сомнения в правильности того, что собираюсь сделать, но я задавил их в зародыше. Первый гангстер, шедший посередине и чуть впереди, нес портфель. Двое других бандитов прикрывали его с обеих сторон, бросая вокруг себя настороженные взгляды. Некоторое время я шел параллельно им, пытаюсь улучшить момент, и как только решил, что тот настал, один из бандитов вдруг резко сунул руку за борт пиджака, но уже в следующую секунду расслабился и опустил руку. Только сейчас я сообразил, что выбрал неудачный момент для разговора. Они все предельно напряжены, поэтому их реакция может быть непредсказуемой – вплоть до пули в лоб. Впрочем, над вопросом «как поступить?» я размышлял недолго и направился в ту сторону, откуда они пришли. К центральным воротам рынка. Увидев сверкающий черным лаком автомобиль, стоящий рядом с конными повозками и обшарпанными грузовичками, я довольно усмехнулся.

«Вот кто сможет мне помочь».

Я подошел к автомобилю гангстеров, уверенный, что теперь все пройдет, как надо. Остановившись в двух метрах, я только открыл рот, как наткнулся на тяжелый, напряженный взгляд водителя, а затем взгляд уловил движение его правой руки, скользнувшей за отворот пиджака.

– Чего надо?! – злобно рявкнул на меня водитель.

– Э-э... Мистер, у меня на уме нет ничего плохого, – и я показал ему пустые ладони. – Я только хотел... – но договорить мне не дал смотрящий мне прямо в лицо безжалостный зрачок ствола револьвера 45-го калибра. На какое-то мгновение я просто остолбенел, причем не столько от страха, сколько от неожиданности. Шофер заметил мое состояние и уже не так зло бросил:

– Вали отсюда, сучонок! Еще раз замечу – считай, ты труп!

Я быстро развернулся и пошел. Сердце стучало в грудную клетку часто и сильно, словно молот по наковальне.

«Похоже, ты струсил. А еще бандитом собираешься стать». – От этих мыслей мое лицо запылало. Понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями и начать продумывать

новый план. Подходить к кому-либо из бандитов после случившегося мне не хотелось, и тогда я решил проследить за ними. Вдруг подвернется более удобный случай. Видел, как гангстеры сели в машину, после чего двигатель зарычал, и автомобиль стал медленно выезжать с подъездной площадки, заставленной повозками и грузовичками. Я двинулся вслед за ними. К моей радости, автомобиль не стал набирать скорость, а медленно подъехал к угловому магазинчику на противоположной от рынка стороне улицы. Затормозил. Из него вышли двое гангстеров и пошли к входу лавки. Когда один из рэкетиоров зашел в лавку, другой занял пост у входной двери, внимательно оглядывая улицу и людей. Так они стали обходить лавочки и магазинчики, расположенные по этой улице, а автомобиль, словно верная собака, медленно следовал за ними. Сбор денег продолжался около часа, после чего гангстеры сели в машину и уехали. Преследуя их, я перешел с быстрого шага на бег, но уже спустя несколько минут потерял автомобиль из виду.

«Если они каждый раз едут по одному и тому же маршруту, то я их вычислю. Приду и скажу их боссу, что хочу стать гангстером. Пусть испытает! Конечно, он может послать куда подальше, но... я снова попробую. Приду еще раз! Попрошу... Я не я буду, если что-нибудь не придумаю!»

На следующий день я не стал толкаться на рынке, а стал ждать их в конце маршрута, за углом небольшого ресторанчика, в узком проходе между домами. Там стояло несколько мусорных баков и ящиков с пищевыми отходами. Прислонившись к стене, я стал ждать. От отходов шел отвратительный, вонючий и в то же время приторно-сладкий запах гнили и разложения. Над ними кружил рой мух, а в ящиках, время от времени, слышалось шуршание, а спустя несколько минут я увидел большую серую крысу, которая, вынырнув из ящика, увидела меня и замерла. Чувство брезгливости после работы в столовой Вацека у меня почти атрофировалось, поэтому скользнув по ней равнодушным взглядом, я продолжил свое наблюдение за улицей.

«Пока машина будет стоять возле ресторана, а это семь-восемь минут, я успею добраться до перекрестка, где потерял их в прошлый раз».

Спустя некоторое время раздалось приглушенное рычание двигателя, и я увидел, как нужный мне автомобиль медленно проехал мимо меня. Я почти сорвался с места, как вдруг раздались выстрелы. Испуганные крики, ругань, стрельба, рев моторов и визг тормозов – все в какой-то момент смешалось в сплошную какофонию. С минуту прислушивался. Что произошло, понять было несложно: на людей Дэнни напали. Кто? Мне это было неинтересно, так как в следующую секунду понял: это мой шанс! Не знаю, как это назвать: интуицией или чутьем, но я знал – это он! Только как его реализовать? Мысли лихорадочно заматались в попытке найти решение этого вопроса.

«Ирландцам надо помочь. Для начала выгляяну...»

Мысль оборвали два выстрела, раздавшиеся у самого ресторана. Следом за ними раздался гулкий топот ног тяжелого мужчины.

«Бежит в мою сторону, отстреливаясь... Блин! Увидит меня и выстрелит. Просто так. Для страховки или от неожиданности».

Быстро оглядевшись, я решил, что в данном случае металлические мусорные баки не самое плохое место для укрытия. Перед тем как спрятать голову, я еще успел увидеть, как достигший проулка гангстер обернулся и выстрелил на ходу. На какие-то мгновения наступила тишина, а затем разом ударило три или четыре выстрела. Бандит глухо вскрикнул, резко замедлил бег... и вместо того чтобы бежать дальше, завернул в мою сторону. Я слышал его хрипкое дыхание, прерываемое с трудом сдерживаемыми стонами. Шаг, еще шаг. Вот он остановился. Я поднял голову. На меня смотрел ствол пистолета. Страх сжал ледяной рукой мое сердце. Неожиданно ствол пистолета стал опускаться, и только тогда я смог посмотреть ему в глаза, подернутые пеленой боли. В левой руке он держал портфель.

– Пшел отсюда, босьяк! – вырвалось сквозь его стиснутые болью зубы.

Самым правильным было бежать отсюда и как можно быстрее, но вместо этого я отрицательно качнул головой. Бандит криво усмехнулся, покачнулся и упал бы, если бы я его не поддержал, а затем помог сесть на землю. На сером от боли лице гангстера выступили капли пота, но руки тем не менее быстро и профессионально сменили обойму, после чего он достал другой пистолет. Только бандит успел это сделать, как в проулке раздались осторожные шаги. Чтобы видеть врага, гангстеру пришлось отклониться немного вбок. Я видел, как он вскинул руку с пистолетом, а затем грохот почти слившихся двух выстрелов ударил меня по ушам. Секунда тишины – ответный выстрел и громкий топот ног убегающего врага. Даже не успев толком осознать опасность, я почувствовал, как поддерживаемое мною тело гангстера обмякло. Заглянув ему в лицо, мне стало ясно, что тот потерял или вот-вот потеряет сознание, и только я начал укладывать тело на брусчатку, как руки гангстера разжались, и пистолеты с легким стуком упали на булыжную мостовую. Секунду, смотрел на кольт, лежавший рядом со мной, а затем протянул к нему руку.

«Вот он шанс», – только я так подумал, как пальцы словно сами по себе обхватили рубчатую рукоять пистолета. Непривычная тяжесть оружия неожиданно отдалась во мне приливом злой уверенности в своих силах. В следующую секунду отчаянный визг тормозов остановившейся машины заставил меня напрячься до состояния взведенной до предела пружины. Затем послышались щелчки открываемых дверей автомобиля, а следом – осторожные шаги двух человек. Ни люди, сидевшие в машине, ни убийцы, идущие в мою сторону, не могли видеть меня, зато все они видели распростертое на земле тело гангстера, только частично скрытое мусорным баком. Правая рука откинута, рядом лежит выпавший из нее пистолет.

«Я вам не тварь дрожащая, и вы, ублюдки, почувствуете это сейчас на своей шкуре. – Почему-то память вытасила именно эту фразу из памяти, оставшейся после некогда прочитанной книги. Она отражала, как ни странно это звучит, мое чувство мести. Оно было направлено не на кого-либо, а на все то, что унижало и уродовало мою душу и личность. Я хотел мстить этому миру и времени за мое убогое сосуществование, за подлый удар копа дубинкой по голове, за сломанные мечты и надежды. Я даже не вскочил, а взвился вверх, подброшенный переполнявшими меня чувствами, словно гигантской пружиной. Мое неожиданное появление застало моих противников врасплох. Глаза убийцы, шедшего первым, успели только широко распахнуться при виде меня, как я выстрелил в него. Бандит даже не понял, что умер, получив пулю между глаз. Его тело еще падало на землю, а я уже выстрелил в другого гангстера. В спешке я промахнулся, впрочем, как и бандит, дважды выстреливший в меня. На стене рядом с моей головой образовалось две дыры с рваными краями, осыпав меня кусками штукатурки. Я выстрелил в ответ. Снова промах! Тогда я повел ствол вслед убегающему бандиту, целясь в середину спины. Нажал на курок, но тот, вместо того чтобы рухнуть на землю, вскрикнул и схватился за левую руку чуть выше локтя, после чего нырнул в открытую заднюю дверцу машины. Разозленный неудачей, я начал стрелять по автомобилю. В ответ раздались выстрелы, а затем чей-то голос изнутри машины зло заорал:

– Гони отсюда!!

Водитель, явно ожидавший такого приказа, дал газу – и машина, визжа шинами, рванула вперед. Еще несколько секунд мой палец автоматически продолжал нажимать на курок, а в ответ раздавались сухие щелчки. Я удивленно посмотрел на пистолет, и тут раздался хриплый от боли голос гангстера:

– Неплохо, малыш. Совсем неплохо.

Только я закончил перевязывать раненого оторванным куском своей рубашки, как проем узкого переулка перекрыла другая машина. Я выглянул. Из ее боковых окон торчало два ствола пистолета, направленных в нашу сторону. Спрятавшись, я только протянул руку ко второму пистолету, как бандит накрыл его своей рукой.

– Не торопись.

Не успел он так сказать, как из машины раздался крик:

– Мюррей, ты жив?! Это я, Дэн!

– Давай сюда! – хрипло крикнул ему в ответ раненый, потом повернул ко мне лицо. – Со мной тут парень! Не стреляй!

В следующую секунду я услышал щелчки открывшихся дверей, затем раздались шаги.

– Дэн, со мной парень! Не стреляй! – снова повторил свое предупреждение Мюррей.

Несмотря на повторное предупреждение, здоровенный бандит, как только увидел меня, так сразу взял на мушку. Он явно был готов стрелять при малейшей опасности.

– Эй, ты, встань и держи руки на виду!

Я поднялся. Окончательно убедившись, что босяк не представляет для него опасности, гангстер опустил оружие и расслабился. Верзила имел широкие плечи и грубое лицо. Второй бандит, который вылез с ним из машины, сейчас стоял и рассматривал труп.

– Дэн, что ты стоишь, пенек деревянный?! Ждешь, пока я кровью изойду?! – прикрикнул раненый на верзилу.

– Что произошло, Джеймс?!

– Все потом! Давай сваливать отсюда, пока не появились копы! Деньги возьми!

Тот спрятал револьвер, схватил портфель, а затем, слегка повернув голову, крикнул себе за спину: – Хорош глазеть, Джек! Дуй на улицу и смотри там в оба!

Вместе с Дэном мы довели раненого до машины. Верзила только успел сесть рядом с водителем, как раздался голос раненого гангстера с заднего сиденья:

– Джек, прихватишь с собой парнишку!

Молодой бандит, стоявший у машины, тут же ответил:

– Сделаю, Джеймс!

Когда автомобиль с раненым исчез за углом, Джек сунул револьвер под пиджак и со словами: «Держись меня, парень», – зашагал к машине, стоящей на противоположной стороне улицы. Только я сел на заднее сиденье, как меня затрясло от прилива адреналина. Несмотря на то что я чувствовал себя отвратительно, где-то внутри меня билась какая-то радостная жилка. Она единственная, внутри меня, была полна энергии и веселья.

«Я жив. Жив! Черт возьми!»

Пытаясь распутать клубок своих ощущений, я пришел к двум неожиданным выводам. Несмотря на то что двадцать минут тому назад застрелил человека, чувства вины или раскаяния я абсолютно не ощущал, как и не чувствовал в себе суровой радости, подобно киношному ковбою, сумевшему в поединке первым выхватить револьвер и убить врага. За всеми этими мыслями я даже не заметил, как мы приехали. Я вылез вслед за гангстером из машины и недоуменно оглянулся по сторонам, после чего так же растерянно проводил того взглядом до двери невзрачного бара под названием «Трилистник». Гангстер уже взялся за ручку двери, потом повернулся ко мне и недовольно буркнул:

– Эй! Чего замер! Давай за мной! – после чего переступил порог. Он бы не понял, даже если бы я попытался объяснить, почему сейчас меня охватило чувство острого разочарования. Просто этот невзрачный бар никак не вписывался в ряд фото из Интернета, где были изображены гангстеры на фоне дорогих машин и роскошных домов.

В небольшом помещении, где с большим трудом умещались шесть столиков, находилось четыре человека, не считая бармена за стойкой. Все они сейчас собрались возле Джека.

– ...Чертовы макаронники! Если бы не Мюррей, уж и не знаю, чем бы все закончилось. Да еще этот парень... – при этом он не глядя ткнул пальцем в мою сторону, – вовремя подвернулся.

Жест был в достаточной степени пренебрежительный, но, несмотря на это, я оказался в центре общего внимания.

– Кто он? – спросил широкоплечий толстяк, сидевший у стойки.

- Понятия не имею.
- А где Мюррей? – задал новый вопрос бармен.
- Повезли к врачу.
- Что-то серьезное?
- Ранили в ногу. Вот Томми не повезло...
- А Стив?!
- Ранен. В плечо.
- Жаль Томаса. Хороший был человек!

В прокуренном воздухе повисло молчание. Спустя минуту толстяк повернулся к бармену:

- Сэмми, всем виски! Помянем славного ирландского парня!

Мужчины стали разбирать стаканчики, налитые быстрой и ловкой рукой бармена. Я смотрел на этих людей, которые не только останутся в истории, но и станут свое-образным символом Америки. Все эти люди познали в своей жизни нищету, были на самом дне, изведали беззаконие и насилие. Именно они создали страшный мир жестокости, оплачиваемых убийств, рэкета и коррупции, который давал им большую власть и еще большие деньги.

- Эй, малыш!

Я даже не сразу понял, что это обращаются ко мне, а когда сообразил, то вопросительно посмотрел на мужчину, обратившегося ко мне. Это был высокий и худой мужчина с длинным костлявым лицом и волосами цвета вороньего крыла. Когда увидел, что я смотрю на него, он сказал:

- Не хочешь присоединиться к нам, парень?!

Я снова оказался в центре внимания, но сейчас на меня смотрели с любопытством и насмешкой. У кого она читалась в глазах, у кого скользила по губам. Я прекрасно знал, чем она вызвана. Здоровый парень в измятом и грязном костюме с чужого плеча и перевязанной головой.

- «Бродяга. Босьяк», – читалось в их взглядах.

Несколько смутившись от столь пристального внимания, я отрицательно покачал головой в ответ.

- Джек, а чем этот парень помог? – неожиданно спросил бармен.

- Джеймс сказал, что это он уложил «макаронника» в проулке.

– Это чучело? В жизнь не поверю! – саркастически произнес молодой мужчина с наглыми глазами и откликнувшийся на имя Фрэнки. – Да у этого фермера только что солома из волос не торчит!

Все дружно засмеялись.

- Ты откуда парень? – спросил меня толстяк.

- Из Аризоны.

- Что, надоело кукурузный самогон пить? На приличную выпивку потянуло?!

Шутку Фрэнки встретили новым взрывом смеха. Глупые шутки и дурацкий смех смыли растерянность, и теперь я уже со злостью смотрел на смеющихся бандитов, чем вызвал у них новый приступ смеха.

- Смотрите на фермера! Прямо как бык деревенский, только копытами землю не роет!

И снова взрыв смеха.

- Так ты, малыш, пить будешь или как? – спросил худой мужчина.

- Я не пью!

Это было сказано с каким-то детским вызовом. Я сам это почувствовал, а что уж говорить про остальных. Они снова засмеялись.

- Смотрите, наш малыш обиделся!

Но новый смех был прерван толстяком:

- Хватит! Как тебя звать парень?

- Дик, сэр.
- Есть хочешь?
- Да, сэр! – я сказал это автоматически, еще даже не поняв, хочу ли я есть.
- Сэмми, сделай ему яичницу, да бекона не жалея!

Когда передо мной оказалась большая тарелка яичницы с ветчиной, я накинулся на нее, словно хищник на добычу. Доев, стал потягивать лимонад из стакана, бросая время от времени взгляды на мужчин, собравшихся у стойки, а спустя некоторое время понял, что я им завидую. Причем не их стодолларовым костюмам, а дружескому отношению друг к другу. В их репликах и жестах проскакивало нечто такое, что роднило их, словно братьев. Чем дольше я смотрел на них, тем острее становилось чувство одиночества. Стоило мне это понять, я отвернулся и стал смотреть в окно. Спустя несколько минут, я увидел, как подъехала машина, и из нее вылез верзила Дэн. Не успел тот переступить порог, как все замолчали и повернулись к нему. Гангстер неспешно подошел к стойке и так же неторопливо выпил большую кружку пива, поставленную перед ним барменом.

– Парни, нам предстоит кое-какая работа... – только он начал говорить, как увидел предупреждающий жест бармена и последовавший за ним кивок в мою сторону. – Гм! Совсем забыл о парнишке. Мюррей сказал, что обязан ему жизнью.

Фрэнки при этих словах поперхнулся пивом и закашлялся.

– Вот тебе и фермер, Фрэнки, – укоризненно попенял ему Джек, молодой бандит, который привез меня сюда.

– Джеймс еще сказал, что этот малыш выпустил обойму в машину с италяшками. Зацепил кого-нибудь? – этот вопрос был направлен мне.

- Одного. В руку.
- Откуда ты, парень?

На этот вопрос у меня уже давно был готов ответ.

– Аризона. Сын фермера. Ричард. Гм. Дик.

– Откуда умеешь стрелять?

– Пару раз с отцом на кроликов охотился.

– Хорошо. Сэм, – бандит обратился к бармену, – найдешь ему работу на время. Теперь иди, Дик. Придешь завтра.

Не успел я дойти до двери, как Дэн снова меня окликнул:

– погоди, парень. Подойди ко мне!

Я подошел к нему.

– Держи, – и он сунул мне в руку бумажку в двадцать долларов. – Иди.

Выйдя из бара, я медленно пошел по улице. Слишком много всего произошло со мной за столь короткое время, причем настолько быстро, что только теперь я осознал, что добился того, чего хотел.

«Да еще двадцать долларов получил!»

Нащупал в кармане банкноту, и у меня вдруг появилось чувство праздника. Зайдя в первый попавшийся по дороге бар, я заказал себе двойную порцию яблочного пирога и стакан фруктовой воды, но только успел прожевать первый кусок пирога, как почувствовал легкое беспокойство: что-то не так. Не как обычно. И вдруг понял: впервые за эти месяцы я сделал заказ без подсчитывания денег в уме. Это было приятное чувство. Именно оно окончательно оттеснило в сторону остававшиеся сомнения, и я стал смотреть сквозь стекло витрины на гуляющий народ, спокойно и бездумно, как было когда-то в другом времени. Услышав через открытую настежь дверь залихватистый девичий смех, я развернулся к дверному проему, но никого не обнаружив, повернулся к большому стеклянному окну, рядом с которым стоял мой столик, и увидел идущих по улице двух симпатичных молоденьких девушек. Одна из них что-то сказала подруге, после чего они снова зашлись таким веселым и заразительным смехом, что я

невольно улыбнулся в ответ. Девушки давно ушли, а все сидел и улыбался неизвестно чему. Потом я гулял до тех пор, пока не наступили сумерки. Центральные улицы прямо купались в разноцветном море света. Яркие буквы расхваливали содовую, конфеты, жевательную резинку «Ригли» и газировку «Уайт Рок», различные марки сигарет, автомобильные шины и зубные щетки. Рекламные плакаты, обрамленные цветными лампочками, висели на всех зданиях, иногда нависали над головами пешеходов. Среди светящейся рекламы встречались названия кинозалов, и тогда рядом с ними можно было увидеть подсвеченные афиши с именами кинозвезд, таких как Дуглас Фэрбэнкс и Мэри Пикфорд.

«Это моя жизнь, и надо прожить ее так, чтобы не было потом мучительно больно за то, что когда-то упустил свой шанс. Хм! Почти как Макс Горький!»

Когда почувствовал, что устал, я снял себе номер в третьеразрядной гостинице. Несмотря на то что уснул почти сразу, ночь не принесла мне отдыха. Тревоги, сомнения, страхи, все то, что сидело в глубине меня, вылезло наружу. Несколько раз я просыпался, вытирая липкий пот со лба, потом шел пить воду. Окончательно проснулся рано утром. Сон, навеянный душевными муками, вместо того чтобы раствориться в рассветных сумерках, остался. Встал с кровати. Подойдя к окну, стал смотреть, сквозь морозящий дождь на пустую улицу, пытаюсь выкинуть его из головы, но рвущая сердце картинка продолжала стоять у меня перед глазами. Отец с матерью стоят на пороге открытой двери нашей квартиры. Рвусь к ним, но что-то меня не пускает, а уже в следующее мгновение понимаю, это их взгляды. Они откуда-то знают, кем стал их сын. Взгляд отца суров и презрителен. Мама, стоящая рядом с ним, смотрит на меня с мольбой и страданием. Неожиданно дверь закрывается, и я остаюсь один. Бью по ней кулаками изо всех сил, но удары гасятся, словно попадают в мягкую подушку. Тогда я начинаю кричать. Я не виноват! Меня выбросили из моего времени, из моей жизни! Папа, мама! Я не хотел этого!

– Я не хотел этого!

Крик, вырвавшийся у меня из груди, привел меня в чувство. Подойдя к ручкомойнику, плеснул в лицо несколько горстей воды. Холодная вода, охладив разгоряченное лицо, успокоила возбужденный разум.

«Все! Хватит эмоций! Виноват – не виноват. Ты здесь, и ты выбрал свой путь!»

Несмотря на категоричность обещания, данного самому себе, я понимал, что ночные кошмары посетят меня еще не раз.

Мой рабочий день начинался с влажной уборки бара. Затем, уже в течение дня, подметал помещение, протирал столы, выносил и чистил плевательницы и пепельницы. В остальное время топил плиту, таскал уголь в мешках, сгружал с машин ящики, коробки, ходил на рынок, а когда было много посетителей, нарезал хлеб, овощи и мясо, из которых Сэмми готовил сэндвичи. Спустя полтора месяца, помимо основной работы, меня стали посылать с поручениями и записками. Иногда часами приходилось мотаться по городу, от одного адресата к другому. Где мне только ни приходилось бывать. В борделях, в подпольных кабачках, где двери открывались по паролю или на условный стук, в игорных залах, расположенных в задних комнатах овощных и бакалейных лавок, в подвалах, где сидели ростовщики и подпольные букмекеры. Нередко у подобных заведений вместо громилы-охранника прохаживались копы в синих мундирах, с бляхами на груди, крутя в руках дубинку. Они, как и многие другие люди, начиная от мэра Чикаго Билла Томпсона и кончая мелким чиновником из городского управления, хотели иметь свой кусочек сладкого пирога.

Нетрудно было догадаться, что подобным образом меня проверяют, присматриваются, пытаюсь понять, что я за человек. Были у меня испытания и другого рода. За эти два месяца я видел трех раненых, которых привезли к Сэму. Один из них умер у меня на глазах, так и не дождавшись приезда врача. Видеть, как люди скрежещут зубами от боли, поверьте мне, это далеко не самое приятное зрелище. Дважды мне пришлось иметь дело с трупами. Если пер-

вый раз я копал могилу, а затем помогал сбрасывать в нее три мешка с трупами, то второй запомнился мне надолго. Это была машина с останками двух бандитов, которых расстреляли из обрезов, с близкого расстояния. Мне хватило одного брошенного взгляда, после чего меня минут десять выворачивало наизнанку. В такие моменты я ненавидел себя и тот путь, который выбрал, но уже спустя несколько дней кошмарные подробности выветривались из моей головы. Помимо неприятностей подобного рода, в моей жизни было немало и радостей. Спустя неделю, как стал получать десять долларов в неделю, я снял себе квартиру за двенадцать долларов в месяц. Теперь у меня появилась привычка в свободное время сидеть в недорогих ресторанчиках и слушать джаз. Я подружился с Джеком Грубером, который в тот памятный для меня день подвез к бару «Трилистник». У нас с ним оказалось много общего. Во-первых, мы были почти одногодками, а во-вторых, он был американцем и сыном фермера, как и я, согласно моей липовой биографии. Джек был веселым и жадным до всевозможных развлечений парнем. Рестораны, девушки, азартные игры. Сейчас, когда моя жизнь в какой-то мере наладилась, тоска по родителям и прежней жизни как-то сама собой улеглась. Пропали кошмарные сны, зато появились новые интересы и новые мечты. Впрочем, мои мечты были такие же, как и у среднего американца. Машина, хорошо оплачиваемая работа, собственный дом, счет в банке.

Этот период жизни стал для меня чем-то вроде отпуска за все мое пребывание в этом времени. Так продолжалось до того дня, пока порог бара не переступил Джеймс Мюррей. Сейчас я мог рассмотреть его более внимательно. Это был мужчина лет сорока, с коротко остриженной крупной головой, с широкими крутыми плечами, туго обтянутыми темно-коричневым пиджаком. Пара застарелых светлых шрамов, наискось пересекавших загорелый крепкий лоб, жесткий взгляд и нечто от ленивой грации зверя, невольно наводили на мысль о крупном хищнике. Он хромал, и было видно, что идти ему тяжело. Некоторое время он беседовал с Сэмми, а когда увидел, что я закончил подметать пол, то сказал:

– Пошли, парень. Есть разговор.

Мы сели в задней комнате бара, которая использовалась не столько как кладовая, сколько как склад для хранения спиртного и оружия. В ней не было окон, а двери, ведущие в бар и на улицу, были изнутри обшиты металлическими листами. С трудом усевшись, он поудобнее устроил раненую ногу, после чего сказал:

– Пуля задела кость. Так что еще не скоро встану на тропу войны. Небось, читал десятицентовые книжечки про индейцев и сыщиков, а, парень?

– Гм. Читал.

– Значит, понял, что я хотел этим сказать. А что грамотный, это хорошо, – констатировал бандит. – Тебе у Сэмми нравится работать?

– Он хороший человек, – неопределенно ответил я, не зная, куда он клонит.

– Не уходи от ответа, парень.

– Если это предложение работать на О'Бэниона, тогда «да».

– Это мне и хотелось от тебя услышать.

От этих слов сердце так отчаянно заколотилось в груди, а лицу стало жарко, но насколько было возможно, я постарался придать себе невозмутимый вид. Чуть сипловатым от волнения голосом я сказал:

– Слушаю внимательно.

– Ты спас мне жизнь, парень. За что я тебе благодарен. Сейчас я не при делах, поэтому у меня есть время поднатаскать тебя. Согласен?

– Согласен!

Видно, я сказал это с несколько большим жаром, чем требовалось, иначе, что тогда могло вызвать ехидную улыбку на губах гангстера.

– Начнем с завтрашнего дня. С Сэмми я договорился.

Только спустя мгновение, когда Мюррей встал со стула и пошел к двери, я понял, что разговор шел не о предстоящем деле, а о чем-то наподобие учебы.

В подвале было светло, как днем, из-за двух рядов ламп, висевших под потолком в жестяных абажурах. Недалеко от входа стоял стол, от него тянулись провода с картонными мишенями. Маленький человек с одутловатым лицом, сидевший за ним, при виде нас достал мишени, затем прикрепил их к проводам и подтянул их до противоположной стены, после чего снова сел и закурил. Мюррей достал, а затем протянул мне пистолет. Как только я его взял, он кивком головы указал на мишень. Старательно выполняя инструкции своего наставника, я неожиданно понял, что обучение меня не тяготит и, даже больше того, нравится с каждым часом. Мне нравилась тяжесть заряженного пистолета, но еще больше само нажатие на спусковой крючок – секунда и в мишени появляется отверстие от пули, направленной тобой.

В течение полутора недель, по четыре-пять часов в день, я тренировался под руководством Мюррея в тире. Для меня стало довольно неожиданным одно обстоятельство. В прежней жизни оружие не вызывало у меня особого интереса, а теперь как только пороховой запах выветривался из меня, мне опять хотелось ощутить тяжесть пистолета в руке, проверить свою меткость. Несмотря на успехи, до моего учителя мне было далеко. Его движения были точны, быстры и выверены до миллиметра. Уже намного позже я узнал, что Мюррей получил хорошую профессиональную подготовку в качестве диверсанта во время Первой мировой войны, когда ему пришлось служить в Американских экспедиционных силах во Франции. Неожиданно наши тренировки закончились: Мюррея отправили привезти груз виски, переправленный из Канады, а я вернулся к своей работе в бар Сэмми.

Из всех парней в банде я знал в лицо только восемь человек, считая Мюррея и Сэмми. Его бар был начальной и конечной точкой всех операций, проводившихся в близлежащих кварталах. Основной работой был рэкет, продажа алкоголя и азартные игры. Помимо основной работы, время от времени наиболее опытных гангстеров забирали на отдельные операции. В основном это были Джеймс Мюррей, Дэн и Малыш Джонни, водитель.

Насколько я мог судить, люди О'Бэниона представляли собой не столько банду, сколько клан, скрепленный пусть не родственными узами, но землячеством и бескорыстной мужской дружбой. Большая часть этих людей выросла на городских улицах американских городов, и совершенные ими преступления были типичны для большого города: убийства, ограбления, налеты. Другая, меньшая, часть ирландцев перебрались в Америку сравнительно недавно. Кто три, кто пять лет тому назад. Все они, без исключения, были у себя на родине бойцами Ирландской армии – сильные, жестокие, хладнокровные солдаты.

Глава 4

Закончив работу в баре, я уже собирался идти домой, как в дверях выросла громоздкая фигура Дэна.

– Парень, есть дело, – обратился он ко мне.

Тут мне почему-то подумалось, что от меня требуется работа посыльного.

– О'кей! Куда идти? – спросил я, не сильно довольный тем, что вместо заслуженного отдыха нужно куда-то бежать, но внешне никак не выразил свое недовольство.

– В точку, парень! Но тебе крупно повезло. Мы тебя доставим к клиенту прямо на машине. Как раз туда едем.

Вот это мне совсем не понравилось. Таких, как я, уборщиков, матерые гангстеры не подбрасывают по пути, если это только не дорога в один конец. Подобный тип расправы уже начал практиковаться среди чикагских бандитов. Ничего не подозревающую жертву сажали в машину, и когда водитель запускал двигатель, стреляли в затылок, после чего тело жертвы выбрасывали где-нибудь в укромном месте, поэтому предложение подвезти сразу заставило меня всего подобраться.

– Мне куртку еще надеть...

– Живее, парень! Машина уже на улице!

«Нет, не то. Здесь что-то другое. Может, на дело? Если так, то почему заранее не предупредили?»

Мучаясь в догадках, я занервничал. Мой страх имел под собой основу. Люди, с которыми мне приходилось сталкиваться каждый день, были бандитами и убийцами, и то, что они по-приятельски ко мне относились, не играло ровным счетом никакой роли. Получив приказ, любой из них, не задумываясь, всадит мне пулю в голову или нож в печень. Только сейчас я почувствовал то, что чувствовал каждый житель Чикаго, сталкиваясь с беззаконием и насилием: страх и незащитность. Ими был опутан город, ими был пропитан воздух. Каждый обыватель прекрасно знал, что никто не станет на его защиту: ни власти, ни полиция.

Я вышел на улицу, освещенную фонарями и разноцветными лампочками рекламы. Обтекаемая меня, шли люди по своим делам. Неожиданно я почувствовал себя одиноким, брошенным на произвол судьбы. Это было довольно необычно: один в большом городе, полном людей. Сев на заднее сиденье, я все никак не мог избавиться от этого странного ощущения. Малыш Джонни, флегматичный и молчаливый ирландец, крутя руль, вывел автомобиль, и мы влились в поток машин. Он был, как и Дэн, одним из тех ирландцев, которые сначала воевали в Ирландской армии, а потом бежали в Америку. Поговаривали, что он когда-то даже был священником, чему я не верил, потому что одного взгляда на массивную фигуру, с широкими как у борца плечами, вполне хватало, чтобы отмести подобное предположение. Некоторое время мы ехали в полном молчании, что само по себе наводило на нехорошие размышления, но я постарался задвинуть их в самый дальний угол своего сознания и отвлечься, смотря на улицу.

«Так. Проехали восемьдесят первую улицу. Бордель, два подпольных казино. В задней комнате зеленой лавки сейчас игра в полном разгаре...»

Подобную географию северной части Чикаго я изучил именно в таких интересных деталях, когда бегал с поручениями. От мыслей меня оторвал голос Дэнни:

– Джон, притормози где-нибудь здесь. Дальше мы пойдем пешком.

Пока шофер подводил машину к кромке тротуара, Дэн развернулся ко мне и протянул... пистолет. Мне стало жарко. Меня взяли на дело.

«Но почему не предупредили?! – снова и снова я задавался этим вопросом. – Или так положено?!»

– Джон, следи за входом! В случае чего – не зевай!

Водитель кивнул головой, затем достал револьвер и положил его себе на колени. Только я обхватил пальцами рубчатую рукоять пистолета, как напряжение, державшее меня, разом схлынуло.

– Сунь за ремень. Идешь за мной. Достанешь... Короче, сам решишь. Мне надо, чтобы ты прикрыл мне спину, пока я буду говорить с «крысой». Твоя цель – парень, сидящий у двери, – он несколько секунд внимательно всматривался в мое лицо, а потом тихо спросил: – Не подведешь?

– Не подведу, – я старался говорить твердо, хотя самой уверенности у меня было не так-то много.

– С богом, – напутствовал меня Малыш, когда я стал выбираться из машины.

Мне очень хотелось, чтобы все ограничилось только разговором, но при этом надежды на подобный исход не питал. С «крысами» не разговаривали – их убивали.

В почти пустом зале сидело несколько посетителей, которые не обратили на нас ни малейшего внимания, чего нельзя сказать о бармене. Бармен, мужчина средних лет, с потертым от жизненных невзгод лицом, при виде нас сделал несколько более резкое движение, чем нужно.

– На твоём месте я бы её не трогал, – сказал ему Дэн, добродушно улыбаясь.

Его предупреждение касалось кнопки, подающей сигнал в кабинет, который находился в подвальном помещении. Я уже знал, к кому мы шли. К ростовщику по имени Джонни Даккен, который работал на ирландцев. Ростовщичество было своеобразным видом криминального бизнеса (его еще называли «шесть за пять»). Это название он получил потому, что за каждые взятые пять долларов должник в конце недели должен был вернуть шесть.

Бармен медленно выпрямился и начал протирать стойку тряпкой.

– В конце концов, это не мое дело, – сказал он. – Я здесь только бармен.

– Вот именно, – согласился с ним гангстер. – Так что оставь все, как есть.

Мы прошли мимо стойки и вошли в дверь, на которой было написано «Служебный вход».

Прошли через складское помещение, заставленное ящиками и коробками, и спустились по лестнице в подвал. Вошли. На голых стенах из красного кирпича было наклеено несколько афиш, где были нарисованы танцовщицы с высоко поднятыми ногами, да пара цветных рекламных плакатов. Ростовщик в этот самый момент сидел за столом и укладывал деньги в картонную коробку. Резко подняв голову, он увидел на пороге Дэна и сразу изобразил на лице улыбку, которая вышла у него не радостной, а холодной и искусственной. Гангстер подошел к столу, а я остался стоять у двери. Тело-хранитель, плечистый мужчина, лет тридцати, несколько расплывшийся в талии, сидел на стуле, рядом с дверью. До нашего прихода он листал журнальчик с красотками на обложке. Увидев нас, сразу напрягся, что сделало его похожим на пса, ждущего команды от хозяина.

– Привет, Дэнни! Не ожидал тебя увидеть. Случилось что-то? – сказав это, ростовщик метнул быстрый взгляд на своего телохранителя, который тут же вскочил на ноги. При движении полы его пиджака разошлись, и я увидел торчащую из-за пояса рукоять пистолета. Я среагировал на оружие как на угрозу – выхватил пистолет и направил ствол прямо в грудь охраннику. Его рука автоматически дернулась к оружию, но я отрицательно покачал головой, и тот медленно опустил ее, продолжая сверлить меня злобным взглядом.

– У меня сообщение от Дэнни, – сказал гангстер. – Босс считает, что ты нам кое-что задолжал.

– Нет. Нет! Я всегда был честен с вами! – испуганно вскричал Даккен, когда понял, зачем пришли к нему поздние гости. – Не верьте никому!

– Проныра Боб кое-что шепнул нам, а спустя два дня его нашли с проломленной головой на пустыре. Не то что мы поверили ему, но все же решили узнать, есть ли во всем этом доля правды, после чего расспросили о твоих делах малышку Боше, твою старую подружку. Оказалось, что ты ей по пьяному делу рассказывал, какой ты ловкий, что обведешь вокруг пальца

кого хочешь, а тупоголовых ирландцев сам Господь велел обманывать! Потом мы еще кое с кем поговорили, и никто – слышишь, Даккен! – никто не сказал о тебе доброго слова!

– Это наглый оговор, Дэн! Мне просто завидуют! Я никогда!..

– Заткнись, падаль! Я еще не все сказал! Что ты скажешь о четырех семьях самогонщиков на девяносто четвертой улице, которые варят дерьмовое пойло?! Говори! Молчишь?! А ведь ты им торгуешь, при этом зная, как мы не любим подонков, торгующих подобным дерьмом на нашей территории! Мы много чего о тебе знаем, Даккен! Короче. Ты нам должен две с половиной тысячи! Что ты на это скажешь?!

Я не видел лица Даккена, так как не сводил глаз с охранника, но о его испуге нетрудно было судить по его хриловатому и ломкому, когда горло перехватывает от сильного волнения, голосу:

– Нет!! Это все не так! Меня подставили! Пит!!

Услышав свое имя, телохранитель попытался выхватить оружие, но успел только ухватиться за рукоять пистолета, как мой палец дважды нажал на курок. В этот самый момент я ничего не чувствовал, словно стрелял в силуэт человека на мишени. Даже чувства шли на уровне привычных физических ощущений, вроде упругости спускового крючка или толчка пистолета в ладонь, когда пороховые газы выбрасывают стреляную гильзу и вгоняют в патронник новый патрон. Только когда уже тело охранника сползло по стене, глядя в пространство остановившимся взглядом, я понял, что только что убил человека. Если первый раз стрелял, защищая себя, то теперь просто, по собственной прихоти, забрал жизнь чужого, незнакомого мне человека.

«Его кровь на твоих руках. Ты виновен в его смерти. Как ты с этим будешь жить?! Как?!»

Это были не совсем мои мысли. Это во мне говорила совесть. Сам я тупо смотрел на лежащее в луже крови тело и не хотел верить тому, что только что сделал. Словно сквозь слой ваты я услышал голос Дэна, пробившийся в мой мозг:

– ...говорю, парень! Давай сюда!

Отвернувшись от трупа, я развернулся и подошел к столу. Увидев побелевшее от страха и мокрое от пота лицо Даккена, я пришел в себя. Тот смотрел на меня, как кролик на удава.

– Где деньги?! – громадное тело гангстера нависало над столом, бросая тень на сжавшегося в кресле владельца кабинета.

– Я... Все отдам! Только... не убивайте! Ты говоришь... две с половиной тысячи! Отдам! Дэн! Я дам тебе... Еще пятьсот! Только отпусти... живым! Господи, я немного... прошу! Я исчезну!..

– Деньги!

– Сейчас! Сейчас! – И он полез в стол.

Его черные, расчесанные на пробор посередине головы, волосы сейчас блестели при свете ламп из-за нанесенного на них фиксирующего патентованного средства. Из-за дрожи, сотрясавшей его, ростовщик все никак не мог достать деньги. Отвратительная сцена вызвала у меня гадливость, тем самым окончательно привела меня в чувство. Наконец ростовщик нашел и положил на стол небольшой сверток, завернутый в грубую вошеную бумагу и перевязанный веревкой.

– Это все?!

В голосе гангстера чувствовался металл.

– Да... Нет! У меня дома... есть.

– Сколько здесь?

– Здесь... восемьсот пятьдесят долларов. В этой коробке... около трехсот. Остальные дома.

– Дома – где?!

– Дэнни, поверь мне! Чем хочешь... поклянусь!! Если что и было... это ошибка! Никогда в жизни не повторю! Клянусь могилой матери!!

– Ошибка?!!

Кулак гангстера с противным хрустом впечатался в лицо ростовщика. Голова Даккена дернулась назад, увлекая за собой тщедушное тело, вместе со стулом. Дэн неспешно обошел стол.

– Где лежат деньги?!

– Я... жить хочу! Только оставьте... У-У-У!!

Два резких, последовавших один за другим удара ноги по ребрам заставили лежавшее на грязном полу тело содрогаться в спазмах боли.

– А-А!! У-У-У!!

– Деньги!

– А-А!!

Гангстер быстрым движением выхватил пистолет, затем прицелился в колено ростовщика и спустил курок. Дикий вопль ударил многократным эхом под низким сводом подвала. Бандит подождал минуту, потом сказал, четко и размеренно:

– Стрелять дальше? Или будешь говорить?

– Не-е-т, – простонал Даккен. – Джоли-стрит, 110. Тайник... в полу. У окна. Под ковром. Несколько брусков... Легко поддеть. Там все.

– Дик, ты все понял? Что найдешь – сюда. Да, и пошарь по квартире, – тут он посмотрел на лежавшего у его ног ростовщика. – А я продолжу разговор. Так, еще. Дверь будет закрыта. Стукнешь так, – и он отстучал дробь костяшками пальцев по столешнице. – Все понял?

– Понял.

Выскочив на улицу, несколько минут я стоял и глотал свежий воздух. В голове было пусто, а на душе противно. Потом я принялся мысленно ругать себя. Грязно и матерно. Когда закончился запас ругательств, пошел к машине.

– Джон, ты знаешь, где Джоли-стрит?

– В двух кварталах отсюда.

– Там квартира ростовщика. Надо оттуда кое-что забрать.

– Надо так надо. Поехали.

Поднялся по лестнице на третий этаж. Войдя в прихожую, с минуту стоял, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Найдя выключатель, зажег свет. Тайник нашел в том месте, на которое указал ростовщик. В нем была шкатулка. Заглядывать в нее не стал, а просто положил на стол, после чего продолжил поиски. Искать старался как можно тщательнее. Причина лежала на поверхности: мне не хотелось возвращаться в подвал. К моему удивлению, поиски дважды увенчались успехом. Сначала на дне большой жестяной банки с чаем я нашел тщательно завернутый сверток. Развернув, увидел доллары. Затем на антресолях, где среди старого барахла обнаружил старый саквояж. Открыв его, нашел в нем старое негодное тряпье и уже был готов отбросить его в сторону, как неожиданно мне в голову пришла мысль: «Зачем совсем негодные тряпки засунуты в саквояж, а сам саквояж положен на антресоли?»

Ответом на этот вопрос стали несколько замшевых мешочков, лежавших на его дне. В них лежали кольца, серьги, медальоны. Причем все явно не новое. На трети из них висели картонки с номерами.

«Ясно. Из ломбарда».

Со своими находками я переступил порог подвала. Мне не хотелось смотреть на тело охранника, но не смог удержаться. Широко раскрытые глаза мертвеца слепо смотрели в потолок, а ярко-желтая обложка журнальчика, лежавшая рядом с трупом, набухла и потемнела от натекшей крови. Подошел к столу. Достал из саквояжа, который забрал из квартиры ростовщика, шкатулку, сверху положил сверток с деньгами, а рядом с ними сложил мешочки. При

виде их Дэн бросил на меня вопросительный взгляд. В ответ я только пожал плечами. Когда гангстер стал развязывать один из мешочков, я увидел следы крови на его руках. Самого Даккена я не видел, но по сдавленным стонам, доносившимся из-за стола, было ясно, что тот еще жив. Дэн, перебрал содержимое мешочка и найдя кольцо с подвешенной к нему биркой, сейчас вертел его в пальцах.

– Вот же гаденыш. Насчет денег он мне все же сказал. Ты нашел их в большой банке с чаем, да?

– Да.

– А насчет этого слова не сказал. И понятно почему! Четыре дня тому назад в этом районе ограбили ломбард, находившийся под нашей охраной. Эти вещи оттуда. Здесь его доля с грабежа. Вот же тварь!

Гангстер встал со стула, на котором сидел, и наклонился над ростовщиком.

– Эй, ты! Мразь! Кто взял ломбард старого Мойше? Скажешь, умрешь быстро!

Ответ оказался неожиданным для меня, как, впрочем, и для гангстера:

– Не пойди ли тебе, мудака, на хер! Деньги – вам! Красивые девки – вам! А мне сидеть всю жизнь в грязном подвале, вместе с крысами?! Да пошел ты!..

Договорить ему не дал рухнувший вниз кулак Дэнни. Ростовщик захлебнулся собственным воплем, а спустя минуту под ударами тяжелых кулаков он уже не кричал, а визжал наподобие зверя, попавшего в капкан.

– А-а-а!! Длинный Джим... и Стекольщик!

– Где их найти?!

– Не знаю...

Гангстер повернулся ко мне и сказал:

– Собирай все это! Уходим!

Свой пистолет гангстер не торопился доставать, и я испугался, что казнь «крысы» достанется мне, но к моему облегчению, этого не случилось. Увидев, что я стою в ожидании, с саквояжем в руке, он сказал:

– Иди в машину.

Уже поднимаясь по лестнице, я услышал выстрел. Кинув саквояж на заднее сиденье, я стоял у машины, в ожидании Дэна, пытаясь ответить себе на вопрос: ты этого для себя хотел?

Гангстер вышел, и я сразу постарался принять невозмутимый вид. Когда мы сели в машину, я протянул Дэну пистолет, но тот не стал его брать, а только сказал:

– Он теперь твой.

В «Трилистнике» Дэнни отдал Сэму на хранение деньги и драгоценности, а затем повернулся ко мне.

– С почином тебя, парень. Держи! – и сунул мне в руку банкноту. – Всем пока!

Когда за ним закрылась дверь, я сел на табурет у стойки и неожиданно для себя попросил у Сэма стаканчик виски. Бармен внимательно посмотрел на меня, а потом скрылся в задней комнате. Выйдя через несколько минут, протянул мне пакет и пять долларов. На мой вопросительный взгляд ответил:

– Деньги – на такси. С пакетом дома разберешься. На работу не торопись. Когда придешь, тогда придешь.

Уже сидя в такси, я заглянул в пакет. В нем оказалась бутылка виски и несколько бутербродов. Выйдя из машины, я только сделал шаг по направлению к дому, где снимал квартиру, как меня окликнул шофер:

– Сэр, возьмите сдачу!

Не разворачиваясь, я махнул ему рукой – езжай! – и пошел дальше. Мне никого не хотелось видеть и ни с кем не хотелось разговаривать. Жизнь казалась полным дерьмом. Поставив

на стол бутылку, я положил рядом с ней пистолет, а с ним банкноту в пятьдесят долларов, которую дал мне Дэн. Сел на стул и некоторое время смотрел на них.

«Почему эти вещи стали для меня символами? Да потому что ты выбрал этот путь, чтобы жить по-человечески. Глупо звучит! По-дурацки! Я убийца и слово “человек” ко мне неприменимо! Что теперь?! Бросать все и начинать новую жизнь?! Только кем?! Да и есть ли в этом смысл, после совершенного убийства? К черту все эти душевные терзания! В чем я виноват?! Я сам себя, что ли, забросил в это гребаное время?! Нет! Выбрал не тот путь? У меня что, был выбор? Ну, конечно! Я мог медленно гнить среди человеческих отбросов в эмигрантских кварталах или с чистой совестью умереть от горячки в какой-нибудь грязной дыре! Да кому нужна эта совесть?!»

Еще некоторое время я спорил сам с собой, а когда разговор зашел в тупик, я открыл бутылку. После чего напился первый раз в жизни. Проснувшись утром, я обнаружил, что лежу в брюках поперек кровати с широко раскинутыми руками. Только успел поднять голову, как к горлу подкатил комок. Пришлось потратить полчаса, чтобы окончательно прийти в себя, а затем еще столько же времени – на приведение одежды в порядок. Выглянул в окно. За окном моросил мелкий осенний дождик, подхлестываемый резким, порывистым ветром.

«Гадкая погода. Гм! Впрочем, что на душе, то и на улице».

Добравшись до «Трилистника» я сразу увидел две машины, стоящие рядом с баром. Одну из них узнал сразу – это был «Кадиллак» Мюррея, вторая, черный «Паккард», мне была неизвестна. Войдя в бар, я застал хозяина «Кадиллака» болтающим за стойкой с Сэмми. За столиком у самой двери сидел незнакомый мне парень. Увидев меня, он сразу подобрался. По его поведению нетрудно было понять, что тот телохранитель, а когда увидел в глубине зала Хайми Вайсса, перелистывающего газету, то сразу понял, кого привез «Паккард». Несмотря на свое прозвище, Вайсс евреем не был, а поляком. Этот человек был наполовину гангстером, наполовину бизнесменом. Его вообще отличал деловой подход ко всему. Жесткий, хладнокровный и расчетливый человек, он без колебаний нажимал на спусковой крючок, но только тогда, когда это действительно было необходимо. Насколько я о нем слышал, он всегда сначала пытался улаживать острые вопросы путем переговоров. Он договаривался с конкурентами, налаживал связи с полицией и городскими властями. Я видел его раньше, но только один раз. Только успел подумать, что за дела его сюда привели, как тот оторвался от газеты и махнул мне рукой. Подойди! Сердце застучало, и я понял: день, который я ждал, наступил.

Наш разговор состоялся в задней комнате бара. Вайсс спрашивал меня, а я отвечал. Кто я, откуда родом и тому подобные вопросы. Это выглядело так, словно я пришел устраиваться на работу и теперь беседовал с менеджером. Когда я сказал Хайми об этом, он рассмеялся и сказал:

– Ха-ха-ха! В точку, парень! Только теперь ты будешь работать не на Сэмми, а на Дэнни! Ха-ха-ха!

Потом снова были вопросы, но самым неожиданным стал последний вопрос:

– Как ты догадался, что лежит на дне саквояжа?

Вопрос был более чем странным, но я на него ответил прямо и откровенно:

– Не догадался. Просто показалось странным, что старые грязные тряпки засунули в саквояж, а потом спрятали на верхнюю полку. Нет смысла. Вот я и пошарил на самом дне.

– Хм. Любой другой на твоём месте вряд ли обратил свое внимание на подобные мелочи. М-м-м... Похоже, у тебя в голове что-то есть, – некоторое время он молчал, что-то обдумывая про себя, а потом сказал: – Вставай, поедem к О’Бэниону. Пришло время тебя ему представить.

Несмотря на то что меня официально приняли в банду, я все еще продолжал оставаться человеком на испытательном сроке, если говорить современным языком. Наверно, поэтому следующим местом стала работа охранника склада, где хранились тайные запасы алкоголя.

Если говорить честно, я был рад подобной работе. Мне хотелось забыть, выкинуть из памяти то, что произошло в тот вечер в подвале под баром, но прошло какое-то время, кошмары исчезли, а воспоминания сначала потускнели, а затем растворились без следа. На свой девятнадцатый день рождения, помимо других подарков, я получил еще один. Насколько неожиданный, настолько желанный подарок. Я стал получать тридцать долларов в неделю, что являлось месячным заработком неквалифицированного рабочего на стройке, и уже на следующий день я переехал из дома, где снимал квартиру, в сравнительно приличную гостиницу, после чего сделал модную стрижку, а еще через пару недель купил себе новый костюм, фасонистую шляпу и подмышечную кобуру. Если раньше я старался жить по средствам, то теперь меня словно подменили. Вместе с Джеком или с кем-нибудь из парней раз в неделю посещал дорогой ресторан или варьете, где под бойкие песенки любовались стройными ножками танцовщиц. Тогда же познакомился с симпатичной танцовщицей в одном из клубов, со временем ставшей моей девушкой. Нередко участвовал в вечеринках в баре Сэма с виски и пивом. Обмывали все: начиная с покупки новой машины и кончая днем рождения. Колесо удовольствий раскручивалось все сильнее. Наверно, я старался наверстать все упущенное мною за те четыре с половиной месяца нищеты, голода и унижений. Скоро денег стало катастрофически не хватать, и я понял, что если не приведу свою жизнь в порядок, то стану похожим на Джека, который не вылезал из долгов. Первое время мои приятели удивлялись столь резкой перемене, но со временем привыкли. Как привыкли к тому, что я не хожу в кино, на премьеры новых фильмов. Мне как-то хватило десяти минут просмотра, чтобы понять: лет через десять, не раньше, я смогу получить хоть какое-то удовольствие от кинематографа. Взамен я нашел себе новое увлечение: листать каталоги различных товаров. Над ними хорошо мечталось.

Вот и сегодня, по случаю выходного дня, я зашел в аптеку, расположенную в пятидесяти метрах от гостиницы, где жил. Обычно меня обслуживал сам хозяин, старый Тимоти Уайлер. Особенно мне нравились его бутерброды с копченым мясом. Помимо бутербродов и мороженого с напитками, он приторговывал дешевыми книжками с бумажными обложками. Потрепанная книжка стоила у него пять центов, новая – десять центов. Как-то раз, от нечего делать, я перебирал старые книжки и случайно обнаружил среди них каталог с недвижимостью. Меня он заинтересовал, и я с увлечением листал его до тех пор, пока не услышал легкое покашливание владельца аптеки. С трудом оторвавшись от описания дома из шести комнат стоимостью в четыре тысячи долларов, я посмотрел на Уайлера. Тот перевел взгляд на каталог, а потом выразительно посмотрел на меня. Усмехнувшись, я выложил на стойку пять центов. Хозяин ловко смахнул их с прилавка и спросил, не хочу ли я еще чего-нибудь. Отрицательно качнув головой, я продолжил листать каталог, только изредка отрываясь от картинки с понравившимся мне домом и мечтая о том времени, когда я смогу позволить себе такое жилье. Старик Уайлер, заметив мой интерес, понял, что на этом сможет немного заработать, поэтому спустя несколько дней у него появились новые каталоги.

Сегодня старика не было, а вместо него за прилавком стоял парнишка, лет пятнадцати, в белом фартуке. Заказав пару бутербродов с мясом и стакан фруктовой воды, я подошел к полке с книгами, но новых каталогов не было, поэтому я снова вернулся к стойке. Некоторое время, наблюдая за мальчишкой, сортировавшим пузырьки с лекарствами на полке, я вдруг неожиданно вспомнил, что когда-то хотел устроиться на подобную работу.

«Ведь и я мог так стоять. Нормальная работа. Потом, со временем, и свой магазин мог открыть. Вон старик Уайлер работает и не жалуется. Мечты, мечты, где ваша сладость? Ушли мечты, осталась гадость! Так и у меня. Осталась работа гангстера. Осуществилась мечта идюта. Впрочем, с какой стороны смотреть. Сейчас я имею больше сотни в месяц, а этот парень в лучшем случае получает свои жалкие двадцать пять баксов. Вместе с указаниями и упреками хозяина. Да пошла такая работа к черту!»

От дальнейших размышлений меня отвлекло поведение мальчишки-продавца. Закончив разбираться с лекарствами, он бросил взгляд по сторонам, после чего достал из-под фартука книжку и стал читать. Несколько минут я наблюдал за ним краем глаза, затем допил одним глотком воду, резко встал и быстро подошел к нему. Паренек настолько углубился в чтение, что оторвал глаза от страницы только тогда, когда я уже стоял напротив него. Он сделал попытку спрятать книгу, но я выхватил ее у него из рук. Посмотрел на обложку. На ней широкоплечий молодой человек одной рукой придерживал за талию красавицу, а в другой руке держал пистолет, из которого отстреливался от невидимых врагов. Название было соответствующее. «В круге смерти». Поднял глаза на испуганное лицо продавца, я усмехнулся и сказал:

– Так-так. В рабочее время книжки почитываем? Нехорошо.

На лице мальчишки появился испуг.

– Простите, мистер. Никого нет, вот я и решил...

– Ну и как? Интересно?!

– Ага!

Я ткнул пальцем на обложку.

– Частный сыщик?

– Нет! – с жаром ответил юный продавец. – Благородный бандит! Он грабил богатых и отдавал бедным! Его отец был русским князем...

«Благородный бандит! Надо же! Мой отец тоже был русским, правда, не князем, а дипломатом. И я бандит. Может, это про меня написано?!»

Невольно рассмеявшись, тем самым я заставил продавца умолкнуть в смущенной растерянности. Пока он переводил взгляд с книжки на меня, не понимая причины моего смеха, я положил ее на прилавок, затем залез в карман и достал мелочь.

– Держи, благородный бандит, – и кинул на прилавок монету в двадцать пять центов, после чего направился к выходу.

– Сэр! Сэр! А сдача?!

Переступая порог, я махнул рукой, дескать, оставь себе. Выйдя на улицу, вытащил из жилетного кармана часы и посмотрел время.

«О, пора идти».

До встречи с Грубером оставалось меньше часа. Сегодня мы собирались пойти в клуб-кабаре. Джек пару дней тому назад как-то похвастался, что познакомился там с девушкой из кордебалета, а у нее есть довольно симпатичная подруга, которая не прочь познакомиться с мужчиной-джентльменом. Вспомнив об этих словах, бросил быстрый взгляд на себя. Темно-синий костюм в полоску, светло-голубая рубашка, галстук и платочек, торчащий из кармашка на груди пиджака, были в тон рубашке. Последней чертой, подчеркивающей образ истинного джентльмена, были черные лаковые туфли, за которые я отдал двадцать пять долларов. Я был элегантен, свежевыбрит и полон достоинства, как и положено настоящему мужчине.

Медленно идя по улице, довольный жизнью, я вдруг неожиданно услышал за своей спиной дробный топот башмаков. Я уже начал разворачиваться, нащупывая при этом рукоять пистолета под пиджаком, как увидел обладателя шумного топота. Это был мальчишка, который занял мое место в «Трилистнике». Паренек был стопроцентным ирландцем и откликнулся на имя Патрик. Увидев его, я почему-то подумал, что наш вечер с Джеком откладывался на неопределенное время, и предчувствие не изменило мне. Стоило Патрику увидеть меня, как тот радостно во все горло заорал:

– Вот повезло!! А Грубер не с тобой?!

– Нет! Что случилось?!

– Не знаю. Иди к Сэму!

– Дьявол! Иду!

«Погулял, называется! Что на этот раз случилось?!»

Впрочем, догадка на этот счет у меня уже была. У ирландцев последние время возникли напряженные отношения с бандой братьев Анджелло. То, что я знал, заключалось в следующем: на подъезде к Чикаго два наших грузовика с джином и пивом натолкнулись на засаду. Был убит охранник, сидевший в первом грузовике, и ранен шофер. Потом началась перестрелка, во время которой налетчики отступили, угнав грузовик со спиртным. Спустя несколько дней просочилась информация, что подобное нападение планировали братья Анджелло, но так как подтверждения она не получила – карательных акций не последовало.

«Видно, что-то все-таки узнали. Отсюда и вызов! Так. Пару запасных обойм возьму у Сэма. Шляпу оставлю. Жалко, и двух дней еще не проносил. Пиджак бы еще оставить... Гм. А пистолет тогда куда?»

Размышляя подобным образом, я шагнул через порог «Трилистника». Там уже сидел Малыш Джонни. Сэм приветливо кивнул мне головой и продолжил натирать пивные стаканы.

– Привет всем!

– Привет, Дик! Как дела? – поздоровался со мной шофер.

– Нормально!

После моего ответа водитель снова уткнулся в газету, а я сел у столика, стоящего у окна, сдвинул шляпу на затылок и уставился на улицу, придав себе скучающий вид. Спрашивать, в чем дело, не было принято. Кому надо, придет и объяснит, что требуется сделать. Прошло не менее получаса, пока не появился Джек. По его лицу было видно, что это не то удовольствие, которое он рассчитывал получить от сегодняшнего вечера. Не успели мы обменяться рукопожатием, как вошел Дэн. Он быстро оглядел нас всех, а потом сказал:

– Парни, для вас есть дело!

Глава 5

Этому срочному сбору предшествовал произошедший неделю тому назад разговор у О'Бэниона. Его суть заключалась в появлении в северной части Чикаго гастролеров-налетчиков. Когда Дэнни услышал, что на его земле за две недели было ограблено три почтовых отделения, он вышел из себя и заявил:

– Это наш район! Только мы можем здесь грабить!

Его слова стали приговором вольным бандитам. Их стали искать, и вот сегодня один из осведомителей сообщил адрес, где те скрываются. Если верить его словам, то они снимали квартиру в доме, который находился в десяти минутах ходьбы от «Трилистника», поэтому вершить правосудие поручили нам.

Спустя двадцать минут, после короткого уточнения совместных действий, мы подошли к многоквартирному дому, где нас у подъезда ждал серый, невзрачный мужчина в грязной и засаленной одежде. Получив пять долларов, он сказал нам номер квартиры, а затем предупредил, что грабителей трое. Малыш Джонни, излишне грузный, чтобы бегать по лестницам, остался у подъезда, а мы втроем поднялись на второй этаж по грязной, плохо освещенной лестнице. Только мы с Джеком успели встать по обе стороны двери с оружием наготове, как Дэн постучал. С минуту было тихо, а потом мы услышали шаги и хриловатый мужской голос спросил:

– Кого там принесло?!

Дэн, взявший на себя роль сборщика платы, крикнул в ответ:

– Мужик, деньги пора платить!

– Пошел на хрен! Мы заплатили за две недели!

– Так сейчас идет уже третья неделя! Плати – и я уйду!

– Заплатим в конце недели!

– Знаю я вас, уродов! Поживете еще пару дней и сделаете ноги! Раз я здесь – плати!

– Ты сам напророчился! – зло, с явной угрозой, выкрикнул из-за двери мужчина.

Щелкнул замок, и дверь резко распахнулась. Дальнейшие действия Дэна были не просто быстрыми, а стремительными. Мужчина, с грубым лицом и начинающими седеТЬ коротко стриженными волосами, попытался выхватить из-за брючного ремня пистолет, но получив удар в лицо стволом тяжелого шестизарядного кольта, вскрикнул и отшатнулся, а уже в следующее мгновение падал, сбитый с ног ворвавшимся в квартиру гангстером. В ту же секунду ударил выстрел, за ним другой. Вбежав следом за ним в квартиру, я автоматически развернулся на выстрелы, выбросил руку с пистолетом вперед и нажал на курок. Мой выстрел слился с раскатистым грохотом мощного револьвера Дэна. Стрелка отбросило от проема двери вглубь спальни. Я даже не видел лица стрелявшего, зато в мозгу отпечталось расплывающееся темное пятно на его белой рубашке. Бросил быстрый взгляд по сторонам. Стол. Стулья. Обшарпанный шкаф. За ними не спрячешься. Если еще кто-то есть, то он – в другой комнате. Дэн сделал осторожный шаг вперед, и тут же под его ногой заскрипела половица. Мы все замерли в ожидании реакции третьего налетчика. Я ожидал выстрелов, но вместо них неожиданно раздались истерические выкрики:

– Не стреляйте!! У меня нет оружия!!

Посмотрел на Дэна. Уловка? Тот, видно, подумал о подобной уловке, потому что сделал шаг назад, направил ствол на проем двери, ведущей в спальню, и крикнул:

– Выходи!

– Не убивайте! Ради бога не убивайте! Деньги заберите, только не убивайте!

Голос был жалкий, молящий.

– Ты что глухой, придурок?! – раздался голос Грубера. – Сказано тебе: выходи!

Раздались тяжелые, шаркающие шаги, словно шел столетний старик. Еще секунда – и на пороге показался парень, лет двадцати пяти, с худым лицом и тоскливыми глазами бродячей собаки. Скользнув по нам взглядом, он опустил глаза.

– Есть еще кто?! – резко спросил его Дэн.

Тот качнул головой. Раздался выстрел, и налетчик рухнул с простреленной головой. Опустив револьвер, Дэн сказал:

– Дик, проверь комнату.

Не опуская пистолета, я сделал несколько шагов и остановился на пороге. Мне надо было перешагнуть через тело молодого парня, моего ровесника. Широко раскрытые глаза слепо глядели в грязный, с потеками, потолок. Сделав широкий шаг, вошел в комнату. Огляделся. В комнате были только три не застеленных кровати. Опустил оружие и вернулся в гостиную. Дэн повернул голову в мою сторону. В ответ на его вопросительный взгляд я отрицательно покачал головой. Повернувшись, гангстер снова стал смотреть, как Джек утихомиривает оставшегося в живых грабителя, никак не желавшего успокаиваться. Налетчик еще с минуту сыпал отборными ругательствами, пока сильный удар ногой в живот не заставил его заткнуться на полуслове, после чего за него взялся Дэн. Главарь банды недолго смог противостоять его свирепой жестокости и сломался. Часть денег мы нашли в потайном кармане, пришитом внутри левой штанины его брюк, другую, большую, часть достали из-под одежного шкафа. Налетчики сломали под шкафом половую доску, сделав таким образом под ним тайник. Забрав деньги, Дэн приказал Груберу застрелить грабителя.

Выйдя на улицу, мы распрощались с Дэном и Джоном. Развлекаться уже не хотелось, поэтому мы направились в знакомый нам бар, чтобы выпить. Несмотря на приличную дозу выпитого виски, чувство отвращения к самому себе никак не хотело проходить. Придя домой, я подумал, что если не научусь пропускать все мимо себя, меня надолго не хватит. С этой мыслью я уснул.

Утром только начал собираться на работу, как раздался телефонный звонок. Поднял трубку – звонил Сэм. Из короткого пояснения понял, что только что получена наводка на группу самогонщиков, и мне надо ехать на 42-ю улицу. Подпольные самогонщики были нашими конкурентами в алкогольном бизнесе. Специально их никто не искал, но когда дешевое пойло начинало продаваться в широких масштабах, нам приходилось уподобляться агентам службы «сухого закона» и пресекать их деятельность. После своего первого участия в подобном деле мне пришлось отдать в стирку свой костюм, который благоухал сивушными маслами так, словно я прополоскал его в бочке с самогоном.

Время шло, и я постепенно научился пропускать мимо себя страдания людей, предпочитая, как и другие гангстеры, смотреть на то, чем приходилось заниматься, как на работу.

Я сидел на заднем сиденье «Форда», как Малыш Джонни повернул руль, и машина выехала на Центральную авеню. Отражающиеся в окнах банка яркие лучи осеннего солнца слепили. В машине помимо водителя сидел Мюррей, я и Сверло Джил. Джилрой Маккален был специалистом по налетам на банки. Сейчас он сидел рядом со мной и равнодушно жевал резинку. Кисти его огромных рук лежали на коленях. Лицо Малыша было напряженным, но при этом он четко, без колебаний, подъехал к банку. Джеймс открыл дверцу и вышел на тротуар. Следом за ним вышли мы с Джиллом. Огромные часы над входом в банк показывали без пяти три. Мюррей, а затем я быстро бросили взгляды по сторонам. За одним из столиков кафе, располагавшегося недалеко от центрального входа банка, сидела молодая парочка и о чем-то ворковала. В паре шагов от них стоял мужчина и лениво ковырял в зубах. Ничего подозрительного.

Все наши действия были заранее оговорены. Когда мы вошли в банк, Мюррей сразу пошел налево, я же свернул направо. Джил пошел к длинной стойке, где за окошками видне-

лись головы служащих банка. У окон кассиров стояло десятка два клиентов. В зале находилось два вооруженных охранника.

Я подошел к охраннику, который объяснял пожилому мужчине, как правильно заполнить бланк, остановился и посмотрел на Джеймса. Когда его рука резко метнулась под пиджак, я выхватил пистолет и ударил со всей силы по шее охранника рукояткой. Тот, не издав ни звука, повалился на пол. Сзади донесся слабый стон второго охранника, не нарушивший тишину огромного зала. Мужчина, с зажатым в руке бланком, стоял передо мной не шевелясь, с бледным, как мел, лицом, а его взгляд был направлен не на меня, а на пистолет в моей руке. Не успел я даже пару раз оглянуться по сторонам, как раздались два громких выстрела. Это Мюррей выстрелил из пистолета в стеклянные перегородки, причем так, чтобы пули прошли над головами кассиров. Грохот выстрелов и звон разбитых стекол произвели должное впечатление. Все замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.